

НОВАЯ ПОЛЬША 11/2006

Содержание

1. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
2. ПОРТРЕТ ПОСТКОММУНИЗМА
3. ПОЛЬСКАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА?
4. ХОЛОД С ВОСТОКА
5. СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ
6. У НАШЕЙ ТРАГЕДИИ СВОЙ ГОНОР
7. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
8. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- “14 августа 1980 г. на Гданьской судовой верфи (в те времена носившей имя Ленина) вспыхнула забастовка, с которой и началась “Солидарность”. Дату выбрал Богдан Борусевич (...) В свои планы он посвятил только трех молодых судостроителей: Богдана Фельского, Людвика Прондзынского и Ежи Боровчак. Сразу же после них должен был начать действовать один из лидеров забастовки 1970 г., тридцатисемилетний Лех Валенса. “Его знала вся верфь, — рассказывает Боровчак. — Мы с самого начала предполагали, что руководить забастовкой будет Лех. Он умеет говорить, входить в контакт с людьми. Когда он выступал в годовщину декабря [1970-го], то такую речь толкнул, что парни просто ревели (...) К августовской забастовке, которую начали пять человек, еще в тот же день присоединились 50 тыс. гданьских рабочих. Через две недели по всей стране бастовали уже несколько сот тысяч человек”. (“Жечпосполита”, 14-15 авг.)
- Премьер-министр Ярослав Качинский в Брюсселе во время своего первого зарубежного визита: “Вступление Польши в Евросоюз — это большой успех. Мое правительство считает своей главной задачей использовать тот шанс, который дали нам дотации и европейский рынок”. (“Дзенник”, 31 авг.)
- “Вчера президент Лех Качинский и главный раввин Польши Михаэль Шудрих побывали у Стены плача. Кроме того, польский президент неожиданно встретился в Иерусалиме с британским премьером Тони Блэром”. Проф. Шевах Вейс, бывший посол Израиля в Польше, комментирует: “Лех Качинский — первый лидер крупного европейского государства, посетивший нашу страну после неоконченной трагической войны с “Хезболлой” (...) В частности, президент Качинский откроет у нас выставку, посвященную еврейским солдатам и офицерам в польской армии (...) Во время II Мировой войны в различных польских частях сражались почти 100 тыс. евреев. 40 тыс. из них погибли в польских мундирах. (...) Следует подчеркнуть, что у братьев Качинских всегда были очень хорошие отношения с евреями и Израилем”. (“Жечпосполита”, 11 сент.)

- “Это одно из самых важных для нашей цивилизации мест. Я христианин, а не иудей, но я знаю, где корни моей веры”, — сказал Лех Качинский у Стены плача. Оттуда президент начал свой четырехдневный визит в Израиль и Палестинскую автономию. Лех Качинский напомнил журналистам, что у Стены плача он уже второй раз. Впервые он побывал там в качестве президента [мэра] Варшавы”. (“Дзенник”, 11 сент.)
- Президент Лех Качинский на пресс-конференции в Иерусалиме: “Если кто-нибудь скажет, что Польша — это европейская страна, особенно дружественная Израилю, то он будет прав. Мы от этой правды не отказываемся”. (“Жечпосполита”, 12 сент.)
- “Приветствуем друга нашего народа”, — сказал президент Палестинской автономии Махмуд Аббас, встречая президента Леха Качинского. “Тот факт, что Польша остается в прекрасных отношениях с обеими сторонами конфликта, может позволить ей сыграть значительную роль в этом регионе”, — сказал президент Аббас на пресс-конференции. (“Жечпосполита”, 14 сент.)
- “Польский контингент миротворческих сил ООН в Ливане увеличится с нынешних 214 до 500 человек”, — сообщила в Брюсселе министр иностранных дел Польши. (“Дзенник”, 27 авг.)
- “Число польских солдат за границей: Ирак — около 870; Афганистан — 105; миссия ЕУФОР в Боснии — около 200; миссия КФОР в Косове — почти 300; миссия ЮНДОФ в Сирии (Голанские высоты) — около 350; миссия ЮНИФИЛ в Ливане — 214; миссия в Демократической Республике Конго — без малого 130”. (“Газета выборча”, 24 авг.)
- “Два натовских летающих радара АВАКС приземлились вчера на аэродроме в Повидзе. До конца этого года Польша станет совладельцем 17 таких машин (...) Благодаря этому польские ВВС смогут списать устаревшую наземную радиолокационную технику. Таким образом, начиная с 2008 г. Польша будет ежегодно экономить 50–60 млн. злотых”. (“Газета выборча”, 18 авг.)
- “В 1989 г. мы были на 14-м месте среди стран, начинавших преобразования. Сегодня мы вышли на 7-е. [Однако] в текущем десятилетии Польша утратила позицию страны с экономикой, развивающейся быстрее всего в регионе”. (Рышард Рапацкий, “Жечпосполита”, 6 сент.)

- “Во втором квартале экономический рост достиг 5,5% (...) Этим солидным ростом мы в огромной степени обязаны инвестициям. Никто не ожидал, что темп их роста увеличится в два раза. В первом квартале он был на 7,4% выше, чем в прошлом году, а во втором — уже на 14,4%”. (“Газета wyborча”, 31 авг.)
- “Когда начиналась эпоха Третьей Речи Посполитой, в польских вузах учились 405 тыс. человек, а высшее образование имели лишь 7% взрослых поляков (...) По сравнению с 1989 г. число студентов увеличилось на 377%. В настоящий момент высшее образование получают 2 млн. человек”. (“Ньюсуик-Польша”, 27 авг.)
- “Сейчас за границей учатся 30 тыс. поляков — главным образом в вузах Германии и Великобритании, а также в лучших высших школах США” (“Ньюсуик-Польша”, 27 авг.)
- “Филип Вольский, окончивший в этом году III общеобразовательный лицей в Гдыне, стал победителем прошедшей в Мексике XVIII Международной олимпиады по информатике. “Это один из самых престижных в мире конкурсов по информатике и наверняка самый важный для информатиков возраста Филипа”, — сказал профессор Варшавского университета Кшиштоф Дикс (...) Кроме Филипа, с наградами из Мексики вернулись Якуб Каллас из того же III лицея в Гдыне и Мартин Андрыхович из XIV общеобразовательного лицея в Варшаве”. (“Газета wyborча”, 22 авг.)
- “По данным Польского национального банка (ПНБ), в первом полугодии общая сумма вкладов в польских банках выросла на 8 млрд. злотых. Это самый быстрый рост депозитов за последние несколько лет. Достаточно сказать, что за весь прошлый год в банках прибавилось “только” 10 млрд. злотых. Сегодня мы храним в банках больше, чем когда бы то ни было, — почти 229 млрд. злотых (...) Аналитики утверждают, что денег в банках становится больше благодаря росту благосостояния поляков. Судя по данным Главного статистического управления (ГСУ), наши заработки растут, а часть прибавок, прежде чем мы их проедаем, переводится во вклад”. (“Газета wyborча”, 19-20 авг.)
- “Т.н. индекс потребительского оптимизма вырос в Польше до 107 пунктов — это на 14 пунктов выше среднего показателя по Европе! За последний год он вырос на 4 пункта. В рейтинге нас опережают только скандинавы, ирландцы, испанцы и бельгийцы (...) Поляки все лучше оценивают не только свои

перспективы на рынке труда, но и состояние своих финансов: 64% опрошенных считают его хорошим или очень хорошим”. (“Дзенник”, 8 сент.)

- “Когда одного моего знакомого поляка спросили, что его больше всего удивило в Швеции, он ответил: “Там от меня не убегают кошки и собаки””. (Томаш Валят, “Политика”, 12 авг.)

- С тех пор как Польша вступила в Евросоюз, в другие страны ЕС уехали свыше 1,1 млн. поляков. В Германии польская диаспора насчитывает 535 тыс. человек, в Великобритании — 264 тыс., в Ирландии — 100 тыс., во Франции — 90 тыс., в Италии — 72 тыс., в Голландии — 20 тыс., в Австрии — 13 тыс., в Чехии — 7 тысяч. (“Жечпосполита”, 6 сент.)

- “Уполномоченный по правам человека призывает открыть дипломатическое представительство или консульство в Исландии. В настоящее время на территории Исландии живут и работают около 8 тыс. поляков (по некоторым данным, их может быть даже 15 тысяч). Есть все основания полагать, что в связи с открытием исландского рынка труда для граждан новых государств-членов ЕС, число работающих в Исландии поляков будет постоянно расти. Местные предприниматели очень ценят польских работников”. (“Жечпосполита”, 19-20 авг.)

- “По расчетам министерства финансов, обработавшего налоговые декларации на доходы физических лиц за 2005 год, в прошлом году номинальная зарплата каждого из нас составила в среднем 1425 злотых. Однако если вычесть из этого пенсии и пособия, выплаченные Управлением социального страхования, то оставшаяся сумма составляет только 1198 злотых. Расчеты министерства финансов значительно отличаются от данных ГСУ”. (“Жечпосполита”, 19-20 авг.)

- “По данным ГСУ, представленным в отчете о масштабах бедности, в 2005 г. за чертой бедности жили 12% поляков. По расчетам Института труда и социальных вопросов, в прошлом году прожиточный минимум для одинокого человека составил 387 злотых в месяц, а для семьи из четырех человек (с двумя детьми) — 1045 злотых. Закон о социальной помощи определяет прожиточный минимум несколько по-другому: согласно ему, пособия выплачиваются лицам, чей доход не превышает 461 зл. или 1260 зл. на семью из четырех человек (...) Данные ГСУ не учитывают бездомных, а также семей, оказавшихся за чертой бедности вследствие тяжелой болезни или старости”. (“Газета выборча”, 7 авг.)

- “Владельцы многих пекарен стоят на грани банкротства (...) В начале 90-х среднестатистический поляк съедал в год 90 кг хлебобулочных изделий, а сейчас довольствуется лишь 70 кг (...) Выпечка стала считаться нездоровой”. (“Дзенник”, 31 авг.)
- “Несмотря на быстрый экономический рост, мы все глубже залезаем в долги. Первый звонок может прозвенеть уже в конце года, если к тому времени государственный долг превысит 50% ВВП (...) Жаль, что экономический рост на уровне 5% не вызывает у политиков желания экономить, а, наоборот, лишь ускоряет процесс раздачи государственных денег (...) Пока что министерство финансов спокойно, так как, по его прошлогодним расчетам, к концу года государственный долг не превысит 46,1% ВВП”. (“Жечпосполита”, 17 авг.)
- “Агентство Фитча повысило рейтинг Польши с оценки А до А+. Это означает, что, по мнению иностранных экспертов, финансовые институты нашей страны пользуются все большим доверием на международных рынках”. (“Дзенник”, 22 авг.)
- “Президент Лех Качинский подписал (...) закон о создании Комиссии финансового контроля (...) КФК будут переданы полномочия по контролю за биржевым и страховым рынком (...) Кроме того, ее председатель будет осуществлять банковский контроль вместо председателя ПНБ. Назначать председателя КФК будет премьер-министр”. (“Дзенник”, 23 авг.)
- Из открытого письма, подписанного семью бывшими членами Совета монетарной политики: “С тревогой следим мы за попытками оспорить общественную позицию Польского национального банка и его председателя, продиктованными сиюминутными политическими интересами парламентского большинства”. (“Газета выборча”, 7 сент.)
- Норико Хама, экономист, профессор Школы бизнеса при университете Досиса (Япония): “Бальцерович — очень решительный и бескомпромиссный шеф центробанка. Он необычайно привержен ценностям, которые должен символизировать центральный банк: стабильности цен и курсов, эффективным и здоровым финансовым рынкам. Кроме того, он ярый сторонник экономических реформ. Он был архитектором многих первоначальных реформ, которые вывели Польшу в мир рыночной экономики. Из-за всего этого часть политического класса в его собственной стране (особенно демагоги) считает Бальцеровича своим врагом. В настоящее время он явно стоит на пороге прямого конфликта с могущественными братьями Качинскими (...) Они хотят

лишить его влияния на банковский контроль, а полномочия, связанные с финансовым контролем, сосредоточить в кабинете премьера. Европейский центробанк и Международный валютный фонд уже выразили свою обеспокоенность тем, что такой шаг приведет к росту политического давления на финансовые рынки, потому что именно так кончается введение подобного сверхконтроля. Ситуация, в которой оказался Бальцерович, — это грозное напоминание о том, какой хрупкой может быть независимость центрального банка, а также доказательство того, что эту независимость нужно охранять с величайшей заботой и честностью”. (“Газета wyborcza”, 14-15 авг.)

• “В субботу председатель ПНБ созвал пресс-конференцию только для того, чтобы заявить, что не явится на заседание следственной комиссии Сейма (...) По словам Бальцеровича, создание следственной комиссии по делам банков вызвало сомнения у многих конституционалистов и было передано на рассмотрение в Конституционный суд. “Я считаю, что Конституционный суд — это последняя инстанция, определяющая в правовом государстве соответствие правовых актов конституции”, — сказал Бальцерович, добавив, что в случае решения суда в пользу комиссии он явится по ее вызову (...) Премьер-министр [Ярослав Качинский] заявил вчера прямо: “В такой ситуации государство имеет право применить силу””. (“Жечпосполита”, 11 сент.)

• Из открытого письма в газету “Файненшл таймс” 20 профессоров университетов, высших экономических училищ и научно-исследовательских институтов США и Европы: “Нападки польского правительства и большинства парламентариев на независимость ПНБ вызывают глубокую обеспокоенность (...) В ЕС независимость центрального банка гарантирована Маастрихтским договором (...) Предположения, что председатель центробанка вступил в конфликт с законом, должны изучаться судом, а не звучать из уст министров и обсуждаться парламентской комиссией. Мы надеемся, что ЕС, Европейский парламент и Центральный банк обратят внимание польских властей на неуместность их действий и опасности, связанные с избранным ими путем. Надеемся также, что [польское] правительство подумает об изменении своей политики”. (“Газета wyborcza”, 12 сент.)

• “Вчера могила Яцека Куроня на варшавском Повонзковском кладбище стала местом паломничества тысяч людей. Несмотря на дождь они пришли, чтобы зажечь свечи и выразить свой протест против порочения его имени (...) Бывший президент

Александр Квасневский благодарил судьбу за то, что на своем политическом пути он встретил Яцека Куроня и мог сотрудничать с ним за “круглым столом”. “Я горжусь тем, что мог наградить его орденом Белого Орла”, — сказал Квасневский (...) Несколько дней назад газета “Жиче Варшавы” опубликовала несколько составленных гэбэшниками протоколов допросов Яцека Куроня в 1985–89 гг. под заголовком “Куронь вел переговоры с госбезопасностью”. Деятели “Лиги польских семей” (ЛПС) потребовали отобрать у Куроня орден Белого Орла, а лидер ЛПС вице-премьер Роман Гертых сравнил действия Куроня с предательством Тарговицкой конфедерации”. (“Газета wyborча”, 4 сент.)

• Проф. Ежи Едлицкий: “Главная задача интеллигенции как непрофессиональной группы заключается в том, чтобы критически наблюдать за жизнью государства и общества и вмешиваться всякий раз, когда в этом возникает необходимость, в соответствии с правилами и критериями, принятыми в гражданском обществе (...) Подписывать письма протеста и выступать за что-то — вот форма существования интеллигенции, ибо эти письма составляет и подписывает в первую очередь она сама, порой с положительным результатом (...) К сожалению, сегодня эта критическая функция выполняется довольно плохо. Крах “Унии свободы” стал для меня печальным фактом, ибо у этой партии был явно интеллигентский характер и превосходная элита (...) Бескорыстная критика, укорененная в прочной системе ценностей и уважающая деловые качества, — это необыкновенно важная общественная функция, а при демократии она стала еще важнее, чем прежде (...) Итак, у интеллигенции большое будущее. Если только она его захочет”. (“Политика”, 9 сент.)

• “По мнению суда, нет доказательств того, что [бывший вице-премьер и министр финансов] Зита Гилёвская сознательно сотрудничала со госбезопасностью”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

• Согласно опросу Института ГфК “Custom Research Worldwide”, наибольшим доверием в Польше пользуются учителя (85%), военные (76%) и врачи (75%). Следующие места занимают: полицейские (63%), журналисты (61%), священники (58%), юристы (45%), менеджеры (23%) и политики (8%). (“Жечпосполита”, 8 авг.)

• Павел Спевак, социолог: “Процесс свертывания демократии состоит в том, что все меньше людей хотят участвовать в демократическом процессе, падает доверие к административной и политической элите, а граждане в целом

не доверяют закону, судам и институтам собственного государства, ибо уверены, что политические решения принимаются вне сферы общественного контроля, а общество не имеет на них даже косвенного влияния. Граждане считают (об этом свидетельствуют многочисленные социологические опросы), что если консолидация капиталистической системы уже произошла, то в политической сфере мы недалеко ушли от методов времен реального социализма”. (“Дзенник”, 2-3 сент.)

- “Союз демократических левых сил (СДЛС), “Польская социал-демократия”, “Уния труда” и Демократическая партия demokraci.pl идут на выборы в органы местного самоуправления единым блоком как Соглашение левых и демократов “Общая Польша””. (“Дзенник”, 4 сент.)

- Согласно опросу института ГфК “Полония”, если бы выборы прошли в середине сентября, “Гражданская платформа” (ГП) набрала бы 30% голосов (что дало бы ей 223 места в Сейме), “Право и справедливость” (ПиС) — 23% (169 мест), “Самооборона” — 9% (66 мест). В Сейм не вошли бы: “Общая Польша” (5%), ЛПС и аграрная партия ПСЛ (по 2%). (“Жечпосполита”, 13 сент.)

- “Премьер-министр Ярослав Качинский объявил, что выборы в органы местного самоуправления пройдут 12 ноября (...) Первый тур выборов, в ходе которого мы будем выбирать депутатов гминных, поветовых и воеводских советов, а также войтов, бургомистров и президентов городов, состоится в воскресенье 12 ноября. Второй тур пройдет 26 ноября там, где войтов, бургомистров и президентов городов не удастся избрать в первом туре”. (“Жечпосполита”, 12 сент.)

- “[На Экономическом форуме в Кринице] премьер-министры Ярослав Качинский и Виктор Янукович поддержали проект продолжения трубопровода Одесса—Броды до Плоцка. Качинский сказал, что есть шанс получить на это дотацию Евросоюза в размере 400 млн. евро (...) Переломное значение имело и сообщение о том, что Польша и Литва объединят свои энергетические системы (...) На Экономическом форуме премьеры Польши и Украины говорили также о вступлении Украины в НАТО (...) Затронут был и вопрос о вступлении в Евросоюз. Украина хочет вступить в ЕС, а Польша хочет ей в этом помочь”. (“Жечпосполита”, 7 сент.)

- Премьер-министр Украины Виктор Янукович: “Мы воспринимаем Польшу как нашего ближайшего и крупнейшего партнера на Западе. Это первое государство, которое начало лоббировать интересы Украины в Европе. Мы хотим развивать

наше партнерство с Польшей. Нет у нас и путей отступления от плана Украина—ЕС, который должен завершиться вступлением Украины в Евросоюз”. (“Жечпосполита” и “Дзенник”, 6 сент.)

- “В Польше работают легально почти три тысячи украинцев. По некоторым оценкам, нелегально их, возможно работает около ста тысяч”. (“Ньюсуик-Польша”, 20 авг.)

- Президент Литвы Валдас Адамкус во время визита президента Леха Качинского в Вильнюс: “Нас объединяет неслыханное в масштабах ЕС сотрудничество. На протяжении более чем 600 лет Польша и Литва были образцом добрососедских отношений, и эти отношения останутся образцовыми и впредь”. (“Жечпосполита”, 6 сент.)

- “Адам Михник стал почетным профессором Киево-Могилянской академии (...) Академия (...) возродилась в 1991 г. после обретения Украиной независимости”. (“Газета выборча”, 2-3 сент.)

- “Директор начальной школы в окрестностях Гродно вынужден был уволиться, так как 1 сентября пригласил на церемонию присвоения школе имени Элизы Ожешко генерального консула Польши в Гродно Анджея Крентовского”. (“Жечпосполита”, 13 сент.)

- Сергей Приходько, помощник президента России: “Российско-польское сотрудничество не соответствует высоким стандартам взаимного доверия и уважения, которые у России сложились с подавляющим большинством государств не только Западной, но и Восточной Европы”. В беседе с корреспондентом Польского агентства печати Приходько заявил, что улучшению отношений мешают “ненужные отсылки к болезненным, но уже отошедшим на второй или на третий план историческим событиям”. (“Газета выборча”, 13 сент.)

- “В Быковне под Киевом обнаружены захоронения поляков, расстрелянных НКВД в 1940 году (...) Найденные останки принадлежат полякам из группы 3435 офицеров, полицейских и чиновников, пребывавших в заключении в Киеве, Харькове и Херсоне. Весной 1940 г. были расстреляны 22 тысячи польских офицеров, а также гражданских лиц”. (“Жечпосполита”, 9 авг.)

- Глеб Павловский: “Недавнее решение Варшавы участвовать в проекте американского противоракетного щита обострит польско-российские отношения. Позиция клиента США (...) не прибавляет Польше доверия и уважения. Именно поэтому в

России к Польше порой относятся как к стране, имеющей даже меньшее значение, чем Венгрия или Чехия”. (“Дзенник”, 18 авг.)

• “Официально войны нет. Есть лишь отдельные проблемы, требующие решения. У каждого невралгического пункта есть свое рациональное обоснование. Блокада порта в Эльблонге была введена после истечения срока соглашения о судоходстве [в Пилавском проливе]. Эмбарго на экспорт мяса и сельскохозяйственных продуктов было наложено в ноябре прошлого года после того, как оказалось, что некоторые польские экспортеры пользуются фальшивыми ветеринарными и фитосанитарными документами. Даже поляки этого не отрицали. Поставки нефти [на Мажейкский нефтеперерабатывающий завод] были прерваны из-за аварии северной нити трубопровода “Дружба”. С газом никаких проблем нет — есть только вопрос цены, нормальный при рыночных отношениях. Итак, с формальной точки зрения ничего сверхъестественного в наших отношениях не происходит. Как говорят русские, все нормально (...) По мнению Зигмунта Бердыховского, директора Восточного института и организатора Экономического форума в Кринице, напряженность в польско-российских экономических отношениях — это очевидное следствие польской восточной политики, поддерживающей стремление украинцев, белорусов и грузин к независимости. России это не нравится”. (Адам Гжешак, “Политика”, 9 сент.)

• Ирина Кобринская: “Проблемы в польско-российских отношениях остались те же. Прошлые, и в первую очередь Катынь. Настоящее — демократия, общие соседи, прежде всего Украина и Белоруссия, энергетика. В дополнение к ним — общий контекст двусторонних связей, а именно с Евросоюзом и США”. (“Дзенник”, 23 авг.)

• “Новые принципы пересечения польской границы гражданами России, Украины и Белоруссии вызвали замешательство (...) В соответствии с законодательством ЕС, с 1 августа наши восточные соседи, проезжающие через Польшу, должны будут иметь транзитные визы. Однако “шенгенская виза” должна быть действительной как при въезде в Польшу, так и при выезде (...) Российское агентство ИТАР-ТАСС сообщило, что Польша в одностороннем порядке изменила правила транзита, а российская консульская служба не была об этом вовремя уведомлена”. (“Жечпосполита”, 14-15 авг.)

• “Вчера Сейм изменил конституцию так, чтобы польские прокуроры могли и впредь пользоваться европейским орденом

на арест. Быстрый, освобожденный от излишних формальностей, эффективный — а значит, полезный — европейский ордер на арест останется в польском законодательстве”. (“Жечпосполита”, 9-10 сент.)

- “К двум годам лишения свободы условно с пятилетним испытательным сроком и к штрафу в размере 4 тыс. злотых приговорил Варшавский окружной суд Кароля Г., обвинявшегося в нападении на главного раввина Польши Михаэля Шудриха. Такое наказание избрал для себя сам обвиняемый. Прокуратура согласилась”. (“Газета выборча”, 26-27 авг.)

- “Мужчины в масках избили марокканца Абделя К., одного из участников фестиваля “Театральная деревенька”, проходившего в Венгайтах в Варминско-Мазурском воеводстве (...) Они набросились на него с криками: “Это за то, что ты черный””. (“Дзенник”, 24 июля)

- “Мартин Корнак из Антифашистского общества, главный редактор ежеквартального журнала “Нигды венцей” (“Никогда больше”) подсчитал, что за последние годы неонацисты убили в Польше по меньшей мере 36 человек (...) Почетный председатель ВМ стал министром образования [ВМ — “Всепольская молодежь”, довоенная антисемитская молодежная организация, возрожденная в 1989 г. Романом Гертыхом] (...) Кроме вождя в правительство вошли: член центральных властей ВМ Рафал Вехецкий — министр морского хозяйства; бывший председатель ВМ Радослав Парда — замминистра спорта (...) К ВМ принадлежат также замдиректора Польского телевидения, член Всепольского совета по телевидению и радиовещанию, три члена контрольных советов радио и телевидения, 11 депутатов, три европарламентария, 15 депутатов воеводских сеймиков, два вице-маршала воеводств и полтора десятка министерских чиновников”. (Войцех Маркевич, “Политика”, 12 авг.)

- “70% поляков, опрошенных ЦИМО, чувствуют себя в безопасности по месту жительства. Это лучший результат за всю историю Третьей Речи Посполитой (для сравнения, в 1994 г. 54% опрошенных чувствовали себя в опасности)”. (“Тыгодник повшехный”, 20 авг.)

- “Согласно опросу, проведенному по заказу “Жечпосполитой”, за строительство в Польше атомной электростанции высказываются только 34% поляков. Против — 57%. Среди противников преобладают опасения, связанные с

безопасностью, — на этот аргумент сослались 82% опрошенных”. (“Жечпосполита”, 21 авг.)

• Маркус Сведберг, аналитик Стокгольмского института экономики переходного периода (SITE) на Экономическом форуме в Кринице (1880 участников из 58 стран): “С экономической точки зрения этот газопровод [по дну Балтийского моря] — не проблема (...) Для Швеции важнее экологический аспект. Но моя страна не высказывается. В каком-то смысле я рад активности Польши”. (“Тыгодник повшехный”, 12 сент.)

• ““Долина Роспуды — это фрагмент сети “Природа-2000”, т.е. место, охраняемое законодательством ЕС, где встречаются виды приоритетного значения (...)”, — говорит Пшемислав Хыларецкий, орнитолог и один из участников кампании за спасение Роспуды (...) Спор о кольцевой дороге вокруг Августова продолжается уже 14 лет. Все это время дорожники пытались проталкнуть проект, грозящий долине Роспуды гибелью. Лишь под давлением экологов они согласились рассмотреть другие варианты, но сочли их неудовлетворительными. Экологи предлагают трассу длиной в 40,5 км, которая решила бы проблемы не только Августова, но и Сувалок. Вариант, проталкиваемый Генеральной дирекцией польских дорог и автострад, предполагает трассу длиной в 17,5 км. Планируемая дорожниками кольцевая дорога будет стоить около 300 млн. злотых (...) Вариант экологов дорожке на 670 млн., но 75% этой суммы мы можем получить из фондов ЕС (...) Уже больше трех недель на страницах “Газеты выборчей” идет баталия за спасение Роспуды. Адам Вайрак (...) стал голосом всех защитников природы (...) Он выступает по телевидению, печатается в газете, (...) развернул интернет-акцию против строительства. Под его письмом протеста подписалось более 130 тыс. человек (...) Отрицательным героем борьбы за долину Роспуды стал министр охраны окружающей среды Ян Шишко, давший разрешение на прокладку через долину Августовской кольцевой дороги”. (Юлиуш Цвелюх, “Пшекруй”, 10 авг.)

• Проф. Збигнев Витковский, член Комитета охраны природы ПАН, бывший главный хранитель природы: “Говоря “охрана природы”, мы даем понять, что мы, избранный вид, делаем для природы что-то хорошее. Между тем, охраняя другие виды, мы делаем это ради своего же будущего (...) Помимо экономической и социальной безопасности, охрана окружающей среды, в т.ч. и природы, — важная составляющая безопасности вообще (...) Польское общество традиционно настроено против природы: 90% гмин не соглашаются включить часть своей территории в

[сеть] “Природа-2000” (...) “Природа-2000” показала, что ценные участки занимают около 16-20% территории страны и обнаруживаются даже там, где мы ничего не замечали”. (“Тыгодник повшехный”, 20 авг.)

• “В Польше территории, охраняемые т.н. директивой о местах обитания, в которой перечислены виды растений и животных, а также экосистемы, занимают 4,2% площади страны, а территории, на которых охраняются птицы, — 7,8%. Для сравнения: в Словении птицы охраняются на 23% территории, а другие виды животных и растений — на 31%. В Испании эти цифры составляют соответственно 17 и 22%, в Словакии — 25 и 11%”. (“Тыгодник повшехный”, 20 авг.)

• “По данным ЦИОМа, в 1993 г. о состоянии окружающей среды всерьез беспокоились более 75% поляков, в 2000 г. — половина, а в настоящее время — лишь 40% (...) О состоянии окружающей среды почти не беспокоятся крестьяне, жители деревень и малых городов, а также люди старше 65 лет и наименее образованные”. (“Политика”, 9 сент.)

• “Хозяева четырехлетней кошки по кличке Норка не поверили своим глазам, когда под окнами квартиры в Торуня на ул. Рыбаки увидели свою любимицу (...) За две недели до этого они увезли Норку к родителям, живущим в маленьком городке Лесмеже близ Лодзи, отдаленном от Торуня на более чем 125 км (...) Кошка добралась до Торуня измученная и обезвоженная. Должно быть, она шла вдоль шоссе, преодолевая (...) перекрестки, мосты, железнодорожные переезды. Она прошла через многие населенные пункты — Ленчицу, Кросневице, Коваль, Влоцлавек, — перешла по мосту через Вислу (...) В день она проходила 5-7 км, скорее всего ночью, когда движение слабо, а большинство людей спало”. (Славомир Цендровский, “Коте справы” (“Кошачьи дела”), сентябрь)

ПОРТРЕТ ПОСТКОММУНИЗМА

Глядя на посткоммунистические государства, можно сказать, что Польша находится на конце некой оси, характеризующей страны, в которых существует явление посткоммунизма, и устанавливающей их иерархию в зависимости от силы этого явления.

Что такое посткоммунизм

У истоков посткоммунизма стояло серьезное упущение. На последнем этапе существования коммунистической системы ее основными элементами были совершенно недемократический политический механизм, нерыночный экономический механизм, государственный аппарат, координировавший и контролировавший все дела в стране, и, наконец, своего рода социальная иерархия, положение в которой определялось степенью участия во власти и принадлежностью к группе, именуемой номенклатурой. Накануне краха коммунизма практически во всех структурах государства и отраслях экономики возникла мощная сеть экономических и политических патологий, связанная с ранним, тогда еще внутрисистемным процессом приватизации. Возникли также механизмы захвата собственности, основанные на связях преступных группировок со спецслужбами и номенклатурной средой.

В ходе реформ, названных преобразованиями, появились демократические процедуры и учреждения, исчезли ограничения свобод, возникли очень непрочные, но все же демократические механизмы. Были созданы основы рыночной экономики, включая деньги (которых при коммунизме по сути дела не было), благодаря чему сформировался не совсем полноценный, но все же работающий рынок. Однако не было сделано ничего, чтобы перестроить государственный аппарат. Несмотря на введение демократических механизмов, новое государство так и не было создано, а социальная иерархия не претерпела изменений. Номенклатура, критерием принадлежности к которой стала теперь собственность, продолжала оставаться самой сильной общественной группой и укреплялась благодаря пополнению своих рядов. Не было предпринято никаких действий, чтобы преодолеть вышеупомянутые патологические явления. Более того, в результате отмены различных законодательных ограничений

(в частности, в области уголовного права) и появления новых возможностей, связанных с рынком и приватизацией, для них была создана благодатная почва.

Посткоммунистические спецслужбы и государство

В 1989 г. спецслужбы насчитывали около 30 тыс. сотрудников (разумеется, не считая полиции) и по меньшей мере 150–200 тыс. секретных сотрудников (по всей вероятности, их число было значительно больше). Они располагали мощными связями во всех областях жизни, а также очень широкими по тем временам экономическими возможностями, связанными с работой разведки, у которой был доступ на западные рынки. Что же произошло с этими спецслужбами после 1989 года?

Главная из них, гражданская Служба безопасности [госбезопасность], была формально ликвидирована, но перед ликвидацией около 30–40% ее сотрудников заняли руководящие посты в полиции, несколько тысяч участвовали в создании новых спецслужб, а значительная часть отсеянных устроилась на работу в крупные детективные и охранные фирмы, оперативные возможности которых вскоре так расширились, что стали сравнимы с возможностями государственных спецслужб. Военные службы (более малочисленные, но очень влиятельные, особенно в 80-е гг., когда они были опорой власти генералов во главе с Ярузельским) продолжали работать без всякой проверки — изменилось лишь их название, а сами они подверглись минимальной реорганизации. У них по-прежнему оставались огромные возможности, в том числе в совершенно невоенных областях.

Благодаря этому в процессе приватизации — как на ее начальном этапе, так и в разгар передела государственного имущества — номенклатура обладала значительным перевесом. Попросту говоря, в борьбе за звание собственника, в гонке за место в клубе собственников номенклатурщики опережали всех остальных на несколько кругов. Вдобавок этот процесс сопровождался другим процессом, связанным с неизбежным на данном этапе исторического развития столкновением возможностей рынка с возможностями государственного бюджета. Это столкновение привело к тому, что наиболее энергичные представители государственного аппарата, не имевшего никакой цели, этики или идеологии, уходили в бизнес вместе со своими контактами и накопленной информацией. Родилось явление двойной роли, когда люди, состоявшие на государственной службе, пользуясь своим положением, одновременно занимались бизнесом. Это вело к

обыкновенному взяточничеству в огромных масштабах. Государственный аппарат разлагался. Так это выглядело вначале, на самом первом этапе. Конечно, чтобы продержаться, подобная система должна была получить своего рода легитимность. Желая выяснить, каким образом она была получена, необходимо обратиться к понятию “контр-элиты”.

Как посткоммунизм подчинил себе оппозицию

Это позволит нам вкратце описать ситуацию в других коммунистических странах. В отличие от них, в Польше “контр-элита” (в понимании Вильфредо Парето) была. Это было основное отличие Польши от других посткоммунистических стран, где “контр-элита” была очень слаба или вообще не существовала. В Польше, вследствие существования и деятельности “Солидарности”, в результате событий, происходивших начиная с 1956 г., сформировалась довольно многочисленная, укорененная в обществе и опытная “контр-элита”.

Кроме того, в Польше была еще католическая Церковь, которая на протяжении всего периода коммунизма сохраняла значительную часть своей независимости, а в 80-е гг. уже играла весьма важную политическую роль. Короче говоря, мы имели дело не только с существованием “контр-элиты”: благодаря “Солидарности” в обществе очертились весьма резкие политические противоречия, возникла напряженность, придававшая событиям политическую динамику. Эту динамику необходимо было затормозить, иначе у посткоммунизма в Польше не было бы шансов выжить.

Каким образом это стало возможным? Этому способствовала ситуация, когда самая влиятельная часть “контр-элиты” приняла предложение, сформулированное правившей номенклатурой, а точнее — принимавшей все решения верхушкой. Вначале это было предложение влиться в ряды номенклатуры, затем, во времена “круглого стола”, — предложение совместно править, и наконец, после “круглого стола” и выборов 1989 г. (лишь частично демократических, но, тем не менее, успешных для “Солидарности”), — предложение поделить власть при условии предоставления гарантий тем, кто с этой властью расстанется. Последнее предложение было принято значительной частью “контр-элиты”.

Разумеется, для многих ее представителей это означало, что они получают различные социальные привилегии. Однако было бы слишком просто и несправедливо утверждать, что это была главная причина, по которой предложение властей было принято. Главная причина была иной: дело в том, что та часть

“контр-элиты”, которая приняла это предложение, на определенных этапах своей жизни была биографически, а частично и идеологически связана с прежней системой. Эти люди опасались, что радикальная смена власти приведет к победе близких к Церкви традиционалистских сил.

Это, в свою очередь, могло привести к формированию такой Польши, какой они не желали, и к их маргинализации. Однако из-за того, что часть оппозиции приняла предложение номенклатуры, в Польше сложилась ситуация, которая в какой-то мере имела место и раньше, — в конце 70-х это называлось “передачей прав”. Та “контр-элита”, которая уже превратилась в элиту новой системы, “передавала” свои оппозиционные достижения, свою нравственную позицию другой стороне. Парадоксальным образом наследие борьбы с коммунизмом становилось легитимизацией — своего рода харизматической (если вспомнить классификацию Вебера) легитимизацией новой системы. И это имело особое значение для ее поддержания.

Демобилизация движения “Солидарности”

Однако я бы солгал, если бы сказал, что всего этого было достаточно. Очень важно было еще и то, что старый режим пользовался различными видами демобилизующей социотехники — особенно после 13 декабря, т.е. после введения военного положения. Это привело к новому раскладу сил, в результате которого на одном конце политической сцены оказались традиционалисты, а на другом — посткоммунисты вместе с либералами (разумеется, в европейском, а не в американском смысле слова), прежде находившимися в оппозиции и составлявшими значительную часть “контр-элиты”. В те времена это сотрудничество еще не могло принять явно политический характер. Это было тихое сотрудничество на парламентском уровне — тихое, но очень эффективное в 1989-1993 годах. Тогдашнее парламентское равновесие во многом сохранялось благодаря этому сотрудничеству.

Однако значительно важнее было тесное сотрудничество в информационной области, в частности, формирование общественного сознания и создание своего рода политкорректности. С этим были связаны необыкновенно резкие нападки на Церковь. С одной стороны, Церковь вовлекали в сложившуюся систему, раздавая ей многочисленные привилегии в различных сферах, а с другой — ее чрезвычайно резко критиковали, причем критика эта весьма эффективно действовала на общество.

Разумеется, использовались и другие механизмы, дискурсы и нарративы легитимизации. Была, например, концепция, утверждавшая, что все социальные проблемы в кратчайшие сроки решатся сами собой благодаря рыночным и демократическим механизмам, местному самоуправлению, а также перспективе вступления Польши в европейские структуры. Ссылались и на мирный характер перемен, на то, что смена строя произошла без единого выбитого стекла.

Наконец, ссылались на то, как быстро удалось решить проблемы, связанные с поздней фазой коммунизма и с коммунизмом вообще, например проблему снабжения, действительно очень болезненную и отравлявшую людям жизнь. Исчезли очереди, в магазинах появились товары.

Немалую роль в поддержании сложившейся системы сыграли уже упомянутые мною спецслужбы. Именно они раскололи ту часть лагеря “Солидарности”, которая с самого начала противилась посткоммунизму. Именно они добились того, что этот лагерь не мог действовать эффективно.

В результате все барыши от общественного недовольства переменами, безработицей (или ее угрозой) и обнищанием значительной части общества достались коммунистам. Возник механизм, благодаря которому посткоммунистические силы больше всех выиграли как от изменения формы собственности (ибо воспользовались этим главным образом они), так и от общественного недовольства этим изменением. Это был механизм великой победы посткоммунистической номенклатуры на выборах 1993 г., механизм ее быстрого (уже через четыре года) возвращения к власти.

Апогей и крах посткоммунизма

Начиная с 1993 г. в Польше настал период торжествующего посткоммунизма, еще более укрепившегося в 1995 г., когда его представитель занял пост президента. Однако в описываемом мною механизме крылась одна загвоздка: посткоммунизм был не в состоянии выйти за рамки определенных убеждений и идеологических интересов своих приверженцев. В связи с этим он был не в состоянии вовлечь в систему Церковь (хотя его самые проникательные представители этого хотели). Он не мог ратифицировать конкордат, заключенный в 1993 г. правительством Ханна Сухоцкой (последним правительством “Солидарности”), не мог удержаться от того, чтобы не вернуться к проблеме аборт, пытаясь изменить закон, ограничивающий право на прерывание беременности. Это стало причиной разделения поляков по очень важному

принципу — принципу отношения к Церкви. Этому способствовала и другая брешь в системе, а именно упомянутые мною привилегии Церкви, которые привели к возникновению радио “Мария” — силы очень спорной, но в то же время несомненно благоприятствовавшей политической активизации наиболее традиционалистской части электората. Все это — наряду с некоторыми случайными обстоятельствами, такими как, например, крупное наводнение 1997-го, — повлекло за собой поражение посткоммунизма на выборах 1997 года. Но вместе с тем время показало и его силу. Период правления правых в 1997–2001 гг. по сути дела стал продолжением посткоммунизма. Впрочем, если мы хотим раскрыть основной механизм краха посткоммунизма в Польше, нам придется обратиться прежде всего к событиям в области экономики. Конечно же, посткоммунизм был ущербной формой демократии, не отвечая ее основным требованиям. В стране, где одна группа столь явно доминирует, где нет достаточно развитого процесса медиатизации власти, демократии просто не может быть. Однако посткоммунизм привел также к весьма радикальному ограничению рыночных прав, к созданию ущербного рынка, когда раздел сфер влияния — несравненно лучшая гарантия экономического успеха, нежели хозяйственные способности. И, несмотря на огромную активность польского общества в экономической сфере, несмотря на появление нескольких миллионов фирм еще на заре новой системы, экономическое развитие продолжалось недолго. Спустя несколько лет оно прекратилось. Этот механизм оказался просто-напросто неэффективным. Это породило множество различных явлений, в том числе такое, которое можно охарактеризовать как “новый протест против системы”, протест, выразившийся в политической форме, в форме создания политических партий. Мелкие бизнесмены из провинции, разочарованные сложившейся ситуацией, обрели выразителя своих интересов в лице популистской партии “Самооборона”, которая прямо угрожает интересам посткоммунистической партии, отбирая у нее часть электората и критикуя различные принципы посткоммунистической системы. Бизнесмены из более крупных центров и люди, связанные с бизнесом, отреагировали на эту ситуацию созданием очень либеральной в экономическом смысле и тоже протестующей против посткоммунизма “Гражданской платформы”. Связанные с радио “Мария” традиционалистские силы создали свою партию — “Лигу польских семей”, тоже протестующую против посткоммунизма, но с очень специфических позиций.

Наконец, необходимо упомянуть о страшном хаосе, царившем в Польше в 1993-1997 гг., который по сути дела не удалось преодолеть и после 1997 года. Этот хаос был связан с огромным ростом преступности, с ее, можно сказать, неслыханной явностью (достаточно вспомнить взрывы или стрельбу на улицах Варшавы). Для поляков это было совершенно непривычно. Это привело к тому, что на почве борьбы с преступностью и восстановления порядка в стране смогли возродиться те антикоммунистические силы, которые проиграли битву в начале 90-х. Так возникло “Право и справедливость”, партия, которую я возглавляю.

Против посткоммунизма широким фронтом выступили более сильные и организованные, чем прежде, противники. Но, несмотря ни на что, он наверняка не потерпел бы поражение так быстро, если бы после 2001 г., после новой победы, у него не появилась черта, которую можно назвать “новой самоуверенностью”. Эта черта имела два важных последствия. Первым из них были действия посткоммунистов, недвусмысленно обнажавшие характер системы, а особенно ее смещение в сторону олигархизации, т.е. сосредоточение рычагов политического и экономического влияния в руках группы людей с особенно сильной экономической позицией, владельцев миллиардных состояний, сколоченных благодаря политическим связям. В какой-то мере эта ситуация имела место и раньше, однако после 2001 г. такое поведение стало очень заметным, прямо-таки демонстративным. Премьер-министр Миллер откровенно афишировал свои знакомства с подобными людьми, отбросив всякую видимость приличий. Это вызвало отвращение даже у тех СМИ, которые прежде пропагандировали политкорректность и скрывали невыгодную для системы информацию.

Но последней искрой, из которой возгорелось пламя, стал другой элемент этой самоуверенности: костяк посткоммунистических сил, ведущий свое начало непосредственно из ПОРП, пришел к выводу, что он может напасть на “Газету выборчу”, крупнейшую и влиятельнейшую в Польше ежедневную политическую газету, которая была своего рода опорой тогдашней системы. Было решено обложить ее коррупционной данью и сделать зависимой. Нападению подверглись и другие СМИ, чьи интересы должно было затронуть крайне неблагоприятное для них законодательство. Налицо было стремление создать крупный медиа-концерн, в финансовом и политическом отношении полностью подчиненный посткоммунистическим СМИ. Это вызвало очень бурную реакцию как “Газеты выборчей”, так и других СМИ:

вспыхнул скандал вокруг “аферы Рывина”, в результате которого ядро системы лишилось легитимности. Крупнейшие печатные издания, которые до сих пор различными методами поддерживали систему, не только обратились против нее, но и позволили сформулировать на своих страницах концепцию ее свержения — концепцию Четвертой Речи Посполитой. Концепцию эту сформулировал человек, который, по выражению Маркса, был “литературным представителем” системы. Посткоммунисты всё больше компрометировали себя, и в конце концов на выборах победили силы, критиковавшие систему.

ПОЛЬСКАЯ КЛАССОВАЯ БОРЬБА?

Павел Спевак, комментируя рассуждения Ярослава Качинского, касающиеся природы польского “посткоммунизма”^[1], замечает, что Качинский начал прямо пользоваться марксистской терминологией: он оперирует понятиями классов и классовых интересов, всюду обнаруживает последствия господства одного класса, представители которого как раз и составляют посткоммунистическую “Систему”^[2]. Подобный анализ, сам по себе любопытный, во многих отношениях несовершенен, ибо не только не дает объяснения целому ряду фактов, происходивших после 1989–го, но прежде всего не содержит в себе никакого конструктивного проекта для Польши.

Ярослав Качинский становится в польской политике представителем пост- или неомарксизма — ибо для объяснения происходящих в ней явлений использует классовые категории. В своей лекции в институте “Heritage” он утверждает, что Польшей правит класс посткоммунистов. Меня не удивляет эта привязанность к марксистскому способу мышления, поскольку я сам, как и сегодняшний премьер, будучи студентом на рубеже 60-х и 70-х годов неоднократно перечитывал две работы Карла Маркса — использовавшиеся для пропаганды марксистской доктрины, но являвшиеся также источником подлинных знаний, — “Коммунистический манифест” и “Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта”. Эта вторая работа, в которой Маркс чрезвычайно точно и подробно анализирует соотношение классовых интересов, представляется мне сегодня особенно интересной. При чтении лекции премьер-министра у меня создалось впечатление, что я читаю весьма похожий текст, с той лишь разницей, что он относится к Польше после 1989 года, а не к Франции периода “весны народов” 1848 года. Оба текста объединяет также широта анализа и революционность. Качинский выступает здесь как человек, стремящийся к изменению классовой системы. Он говорит, что польская демократия не может достичь успеха, потому что представители одного класса — посткоммунисты — навязали в политике свои правила игры. С чрезвычайно похожим утверждением выступали марксисты, согласно которым демократия была невозможна из-за господства буржуазии, располагающей также финансовым преимуществом. Это своеобразный парадокс, что самый заклятый враг ПНР и его наследия пользуется марксистским

языком. Качинский не только чрезвычайно свободно оперирует этим языком, но и выступает как революционер, обещающий нам, что ликвидация власти одного класса повлечет за собой немедленные изменения во всех остальных отношениях. Приписывание всеобъемлющей движущей роли “Системе” и интересам правящего класса представляет собой еще одну характерную черту, объединяющую лекцию Качинского с произведениями марксистов. Наконец, то же можно сказать и об упрощающей трактовке разделения политических пристрастий в Польше. Утверждение, что партия “Гражданская платформа” представляет иной социальный класс, нежели партия братьев Качинских, звучит абсурдно. Различие между обеими анти-посткоммунистическими группировками состоит в том, что “Право и справедливость” намного шире определяет границы политики и политических инструментов, включая в их состав, например, Институт национальной памяти, который, по моему мнению, должен изучать все аспекты польской истории, а не только служить укреплению легенды о национальном мученичестве.

Действительно ли ликвидация класса посткоммунистов — ключ к решению польских проблем? Ярослав Качинский сформулировал этот диагноз еще в 1991 г., когда действительно казалось, что эта проблема носит весьма серьезный характер. Тот факт, что тот же рецепт он предлагает 15 лет спустя, начинает беспокоить, ибо свидетельствует о низком уровне реагирования на происходящие в мире перемены.

Анализ Качинского не принимает в расчет ошибок, совершенных правыми партиями. Правда, что в 1993 г. посткоммунисты оказались во вдвойне выгодном положении: во-первых, как группа, получившая основную выгоду от передела собственности и приватизации, и, во-вторых, как политическая сила, использующая общественное недовольство, — но вина за их победу лежит и на правых силах, которые постыдным образом раскололись и не сумели использовать того, что в общей сложности за них проголосовало больше избирателей, чем за посткоммунистов. Ключевую роль сыграли здесь болезненные амбиции правых политиков, а не упоминаемые Качинским махинации спецслужб. Еще раньше, в 1991 г., братья Качинские обладали весьма мощными инструментами власти — и тоже не сумели ими воспользоваться, потому что поссорились с Лехом Валенсой. Или это тоже было результатом манипуляции спецслужб? А действия по дискредитации Валенсы, предпринятые Лехом Качинским в ходе предвыборной

президентской кампании в 1995 г., которые привели к поражению первого президента свободной Польши?

Рассуждение Ярослава Качинского, в соответствии с монистическими канонами марксистской науки, полностью лишает автономии различные сферы жизни. Даже если мы допустим, что правящий класс, посткоммунисты, обладал огромным влиянием на различного рода механизмы власти, то проигранную избирательную кампанию нельзя объяснить только лишь происками спецслужб. То же самое можно сказать и о поражении Избирательного движения “Солидарность” в 2001 г., которого можно было бы избежать, если бы сами политики “Солидарности” не скомпрометировали ее этические принципы.

Несмотря на критическое отношение к тому, что произошло в Польше после 1989 г., я не разделяю картины сегодняшней действительности исключительно в черном цвете, которая возникает из лекции Качинского. Экономическое развитие страны — не результат деятельности спецслужб. Не все три миллиона частных фирм, появившихся после перелома 1989 года, были созданы бывшими коммунистами. При всей своей относительной бедности Польша никогда не была так богата, как сегодня. Членство в Евросоюзе, с одной стороны, и деятельность органов местного самоуправления, с другой, привели к значительному притоку зарубежных инвестиций и реальному повышению уровня жизни и общей культуры в Польше. Органы местного самоуправления — это огромное достижение Польши после перелома 1989 года. Разумеется, можно повторять, что государство у нас нездорово, но об этом мы неоднократно говорили, и стоило бы это утверждение проанализировать более подробно.

Ярослав Качинский производит впечатление человека, убежденного в том, что когда мы уничтожим механизмы коррупции, произведем замену сотрудников спецслужб и т.п., то все станет чистым, светлым и замечательным. Дело обстоит не так просто. Я согласен, что необходимо укреплять государственные институты, усиливать борьбу с правонарушениями и карать преступников, но самым главным я считаю укрепление связей Польши с Западом — чему как раз Ярослав Качинский не уделяет особого внимания. Премьер недооценивает силу общественного стремления к цивилизационному сближению с Западом. Предприятия становятся банкротами не в результате заговоров и погибают не потому, что они польские, но потому, что ими плохо управляют и они нерентабельны. Склонности и вкусы людей

так сильно ориентированы на современность, что фирмы, которые не сумеют выйти за рамки эстетики и обычаев ПНР, обречены на вымирание. Это и становится причиной раздраженности партийных деятелей “Самообороны” — она лежит в их неспособности адаптироваться к новым реалиям, а вовсе не в том, что посткоммунисты перекрыли все пути развития.

Изоляционистская политика, проводимая теперешним правительством, не отвечает, по моему глубокому убеждению, польским национальным интересам — и это никак не связано с наличием или отсутствием номенклатуры. Точно так же укрепление общественного, культурного, интеллектуального капитала, без которого трудно говорить о развитии страны, не определяется классовой структурой общества. Оно зависит от активности государства в таких сферах, как образование, наука и культура, а сегодняшнее руководство этим сектором во главе с Романом Гертыхом не может похвастаться особыми достижениями. Говорить, что во всем зле виновата по-прежнему существующая “Система”, является попыткой переложить на чужие плечи политическую ответственность за собственные ошибки. И такая позиция представляется особенно неблагоприятной.

Я решительно поддерживаю мнение политолога Рафала Матыи, что введение в политический обиход понятия “Система”, распространение уверенности, что страной заправляют анонимные силы, ведет к тому, что правила функционирования государства начинают опираться на подозрительность. Кроме того, это надолго отбивает у широких масс граждан охоту участвовать в общественной жизни. Тон, проявляющийся в высказывания многих деятелей “Права и справедливости”, — это тон злости и морального превосходства, за которыми стоит не какой-то политический проект, а лишь представление о справедливости, ограниченное местью.

Тезис, что часть демократической оппозиции решила на далеко идущий компромисс с коммунистами, опасаясь, что радикальный разрыв с прежней системой приведет к “господству традиционалистских сил, связанных с Церковью”, — это очередной миф премьера, и к тому же такой, в который он сам, по всей видимости, начал верить не так давно. В 1991 г. убеждения Ярослава Качинского были другими. Он весьма недвусмысленно говорил о том, что приход к власти Христианско-национального объединения и идеологизация религии могут привести лишь к дехристианизации Польши.

Разумеется, в Польше уже давно ведется принципиальный спор между либерально-западнической и национально-католической ориентациями, но вместо того, чтобы закосневать в этих схемах — как это делает Ярослав Качинский, — следует поддерживать такой католицизм, который не опасается ни патриотизма, ни либерализма.

Лекция Качинского — это чрезвычайно интересный текст социолога, аналитика, политолога. Однако высказывать подобные воззрения в качестве наблюдателя — это одно дело, а в качестве политика — другое. От действующего премьера я хотел бы услышать не общую теорию общественной жизни, а конкретные предложения, такой проект Польши, который выходил бы за рамки лозунга борьбы с “посткоммуной”.

1. Чтобы наши читатели не запутались, объясним, что в Польше на протяжении 90-х за бывшими коммунистами укрепилось название “посткоммунистов”, а в последнее время возникла и тенденция называть первые полтора десятка лет истории Польши периодом “посткоммунизма”, притом отнюдь не в общепринятом значении слова: эпоха, наступившая после коммунизма, т.е. та, в которую все мы продолжаем жить, но в качестве оценки, подразумевающей, что в этот период с “родимыми пятнами коммунизма” не смогли или не захотели справиться. В переводе публикуемого текста мы сохраняем это довольно специфическое словоупотребление, так как оно составляет неотъемлемую часть идейного арсенала Ярослава Качинского и его единомышленников. — Ред.
2. Польское слово “уклад”, которое мы здесь и далее переводим как “Система”, практически всегда употребляется Качинским в более узком, разговорном смысле: “группа людей, связанных неформальными взаимоотношениями, из которых они извлекают какую-либо выгоду, либо же сами эти взаимоотношения”. Весьма характерно, что Качинский, в духе классических образцов пропаганды, никогда конкретно не указывает, кто именно входит в эту посткоммунистическую “Систему” (что оставляет место для любых толкований), но всегда обещает бороться против нее и разрушить, передав власть “простым людям”. “Простые люди” по намекам и недомолвкам недвусмысленно понимают, что речь идет о членах бывшей коммунистической партийной верхушки, разбогатевших за последние годы средних и крупных “олигархах”, сотрудиниках и агентах госбезопасности и спецслужб, а также вступивших с ними в сговор представителей бывшей демократической оппозиции и “образованщины”, которые

взамен за доступ к власти гарантировали
вышеперечисленным безнаказанность. Поэтому многие
“простые поляки”, хорошо знающие распространенную
поговорку “На уклады не ма рады” (что-то вроде “плетью
обуха не перешибешь”) и воочию убеждающиеся, что всюду
“рука руку моет”, вполне сочувственно относятся к этим
демагогическим заявлениям и обещаниям Качинского и
голосуют за партию “Право и справедливость” — Пер.

ХОЛОД С ВОСТОКА

Польско-российские экономические, равно как и политические отношения становятся все хуже. Наложено эмбарго на экспорт нашей сельскохозяйственной продукции, продолжается спор по поводу Пилавского пролива, в последнее время появились проблемы с импортом нефти для нефтеперерабатывающего завода в Мажейкяе и неясность в вопросе с газом. Неужели уже война?

Официально войны нет. Есть только определенные задачи, которые надо решить. Любая “горячая точка” так или иначе рационально обоснована. Блокада порта в Эльблонге — результат того, что истек срок соглашения о судоходстве. Эмбарго на экспорт мяса и сельскохозяйственной продукции было введено в ноябре прошлого года, когда выяснилось, что некоторые польские экспортеры используют поддельные ветеринарные и фитосанитарные документы. Даже поляки этого не отрицали.

С ножом к горлу

Прекращение поставок нефти — результат аварии на северной нитке трубопровода “Дружба”. С газом никаких трудностей нет — есть только вопрос цены, обычное дело в торговле. Итак, с формальной точки зрения в наших взаимоотношениях ничего чрезвычайного не происходит — как говорят в России, всё нормально.

Однако все прекрасно понимают, что положение далеко не нормальное. Особенно производители сельскохозяйственной продукции, на которых чрезвычайно болезненно отразилось российское эмбарго. В последние годы экспорт развивался довольно динамично. Россия покупала все больше польских продуктов, особенно мяса и фруктов. Право экспорта товаров на российский рынок получили несколько десятков фирм — производителей мясной продукции. Более 30-ти из них успешно этим воспользовались. Некоторые даже открыли в России свои представительства и развивали производство, исходя из потребностей местного рынка. В России, в отличие от западных потребителей, больше любят жирное мясо, большим спросом у них пользуются также сало, подгрудок, ливер.

Поначалу казалось, что проблеме удастся как-то решить и эмбарго будет снято. Недостатки, на которые указала российская сторона (главным образом, в части административного надзора), были ликвидированы. Однако в ходе новых переговоров возникали новые требования, относящиеся уже к сфере полномочий Европейской комиссии. В результате эмбарго не только не было снято, но получило дополнительное распространение на другую сельскохозяйственную продукцию: фрукты, овощи, цветы, а вдобавок и на древесину. Более того, под нажимом России запрет на импорт польского мяса ввела Украина. Она оказалась в трудном положении, так как российская сторона утверждала, что через территорию Украины контрабандой провозят польское мясо, и угрожала санкциями. В целом экспорт мяса сократился на десять с лишним процентов, а товаров сельскохозяйственной отрасли в целом — на 24%. Потери велики, в сумме они составляют сотни миллионов долларов. Их, однако точно не исчислить: никто не знает, как исчислять потерю рынков сбыта и торговых связей, трудности с поиском покупателей на продукты, подготовленные с учетом запросов российских и украинских потребителей.

— Мы по-прежнему надеемся, что запрет на экспорт удастся отменить. Об этом ведутся переговоры. К сожалению, нам не хватает эффективной поддержки со стороны польских политиков, а их участвовавшие антирусские высказывания еще больше усложняют наше положение, — говорит Витольд Хоинский, глава объединения “Польское мясо”, в которое входят отечественные производители мясной продукции. Власти Евросоюза после первых обещаний помочь тоже бросили польские фирмы на произвол судьбы. Они сочли, что это польско-российское дело, а не европейско-российское. Впрочем, место, которое освободили поляки, заняли производители из других стран ЕС, в частности датчане.

Откуда этот газ?

Многое указывает на то, что для наших российских партнеров по переговорам тема мяса вовсе не главная. А главная тема — энергетика. Здесь взаимоотношения особенно сложны и напряженны. Свыше 90% нефти и 60% газа мы импортируем из России. С газом расчет довольно сложный: частично наше газоснабжение идет из бывших советских республик Средней Азии, которые сильно зависят от России и ее газового гиганта “Газпрома”. Хотя формально мы не покупаем газ у России, на практике вопрос выглядит не столь очевидным. Вдобавок сырье

должно идти в Польшу по российскому трубопроводу, что усиливает наши опасения и ощущение зависимости.

Россия не скрывает, что хочет не только продавать нам свое сырье, но и подключиться к нашему топливно-энергетическому бизнесу. Того же они хотят и от других стран Евросоюза. Всюду это вызывает серьезные опасения, так как Кремль не скрывает, что с помощью экономических средств старается восстановить свою позицию великой державы. У нас эти опасения зачастую перерождаются в непреодолимый страх, многих политиков доводящий до истерической реакции. Ибо, с одной стороны, нам важно иметь по возможности дешевое энергетическое сырье, то есть такое, какое предлагает Россия, а с другой — мы предпочли бы, чтобы это не было российское сырье. То есть квадратура круга.

Все эти несуразности приводят к тому, что по-прежнему остается невыясненным вопрос о газоснабжении на будущий год. Всего нам требуется около 14 млрд. кв. м газа. Известно, что часть его (6-7 миллиардов) мы закупим в России в рамках долгосрочного ямальского контракта, хотя концерн “Польская нефте- и газодобывающая промышленность” (ПНГП) помалкивает насчет того, установлен ли уже окончательный объем поставок (объем, предусмотренный контрактом, можно каждый год отчасти менять). Российская сторона требует изменить принципы установления цен, на что польская не соглашается. Вот одна из многих причин нарастающей напряженности.

Остальной газ нам надо находить вне России, причем на это есть формальные причины: согласно правилам, действующим в ПНГП, мы можем закупать у нашего восточного соседа не больше 60% топлива. Поэтому 1 млрд. куб. м газа мы закупим в Германии. Соглашение было недавно подписано. Больше нельзя, ибо только такой объем вмещает единственная труба, связывающая польскую и немецкую газовые системы под Згожельцем. 3-4 миллиарда поступят из польских залежей. Остается, таким образом, более 2 млрд. куб. м, которые в рамках так называемых спотовых соглашений надо будет где-то найти (с этим трудностей скорее всего не будет) и переправить в Польшу (а вот это трудно). Руководители ПНГП успокаивают, что переговоры ведутся и что до Нового года еще есть время. В прежние годы последние соглашения подписывали перед самым Рождеством. Они стараются не вспоминать об одном из контрактов прошлых лет на поставки газа из Средней Азии по невероятно низкой цене, который не удалось реализовать,

потому что, как оказалось, “Газпром” по техническим причинам был не в состоянии перекачать газ в Польшу.

Немцы тоже страх наводят

Итак, не газ, а трубы виноваты в нашей зависимости и подвергают риску нашу энергетическую безопасность. Когда российский поставщик перекрывает кран, как это произошло в феврале 2004 г. и прошлой зимой, мы оказываемся в нелегком положении, хотя не против нас были обращены санкции “Газпрома”. При таких обстоятельствах логичной кажется необходимость проложить новую трубу с Запада. Такую идею неоднократно предлагал Александр Гудзоватый, но его предложение было отвергнуто. Объясняли это тем, что Гудзоватый саботирует идею газопровода из Норвегии, а кроме того, собирается по своей трубе контрабандой перекачивать российский газ, а мы этого не хотим. В прошлом году было объявлено, что соединительный механизм — так называемый интерконектор — все же будет построен. И строительство его будет осуществлять фирма, учрежденная ПНПП и немецкой компанией VNG. Новое руководство польского газового монополиста с большим недоверием отнеслось к этой идее, и проект был отложен в долгий ящик. На сей раз исходя из следующего соображения: немцев мы тоже боимся.

— Мы опасаемся, не будет ли эта труба использована нашим немецким партнером для завоевания польского рынка. Мы еще не готовы к такого рода конкуренции, — объясняет один из руководителей ПНПП. Такими же аргументами он объясняет и блокирование польского рынка от конкурентов и вхождения на польский рынок иностранных поставщиков. Хотя это фирмы Евросоюза, обычно за ними стоит российский капитал. А этого нам не надо.

— Я далек от теории заговора, но иногда задумываюсь, не стоят ли русские за торпедированием польско-немецкого газопровода, — говорит Марек Коссовский, бывший глава ПНПП, подписавший соглашение с фирмой VNG, вспоминая о невероятных сложностях, с которыми столкнулся этот проект с самого начала.

Между тем обеспечить энергетическую безопасность с помощью интеграции польской газовой системы с системами ЕС рекомендует анонимный автор доклада, опубликованного в ежеквартальнике “Национальная безопасность”, издаваемом президентским Бюро национальной безопасности. Он также советует изменить позицию Польши в вопросе Северного газопровода. Того самого, строительство которого министр

обороны Радослав Сикорский сравнил с пактом Риббентропа — Молотова. Поэтому нет ничего странного в том, что когда бюллетен появился в Интернете, доклад был цензурирован: еретический фрагмент изъят.

Нашим ответом на Северный газопровод должен стать газопровод из Норвегии и газопорт, то есть терминал для перегрузки сжиженного природного газа. Это два главных проекта нынешнего правительства, которые должны сделать нас независимыми от российского газа. Оба проекта базируются на весьма неустойчивой экономической основе, и скорее всего их нельзя осуществлять одновременно. Если газопорт и газопровод будут поставлять по 5 млрд. куб. м газа ежегодно, мы столкнемся с проблемой излишков дорогого газа (1000 куб. м норвежского газа сейчас примерно на сто долларов дороже российского), с которыми неизвестно, что делать.

Нефть разлилась

Тем временем в польско-российских отношениях появилась новая “горячая точка” — Мажейкяй. К неудовольствию России, литовские власти выбрали предложению польского концерна “Орлен”, обойдя другие, в том числе российские. За астрономическую сумму 2,5 млрд. долл. самая крупная польская компания покупает литовский нефтеперерабатывающий завод (крупнейшее предприятие в стране), который до недавнего времени контролировался ЮКОСом. Сделка еще не завершена, а тут новая незадача: по северной нитке трубопровода “Дружба” перестала поступать в Мажейкяй российская нефть. Хуже того, неизвестно, будет ли поступать вообще. “Дружба” оказалась проржавевшей. Труба лопнула на большом отрезке. Выражаются опасения, пригодна ли она вообще для использования.

Никто тут ничего специально не утаивает: это тактическая авария, цель которой — продемонстрировать недовольство Кремля выбором польской фирмы и, возможно, вынудить участников сделки изменить решение. Российские трубопроводы, случается, прорывает, но там, где это нужно, их быстро ремонтируют. Например, за польский участок мы можем быть спокойны, ибо по нему ежегодно поставляется около 50 млн. тонн российской нефти многим потребителям и без него российским концернам сегодня не справиться.

Многие ожидали неприятностей с нефтью для Мажейкяя, так как российская сторона когда-то уже такой вариант испробовала с положительным для себя результатом. Несмотря на это глава “Орлена” Игорь Халупец заверял, что российская

сторона теперь не позволит себе пойти на такой шаг. Во-первых, это ее скомпрометирует, а во-вторых, она будет иметь дело не с каким попало партнером, а с концерном, закупающим 15% российской нефти. Оказалось, позволила, и удивительно быстро. И что теперь?

— “Орлен” еще не владелец завода в Мажейкяе, так что это дело нас не касается. Это проблема литовских властей и правления нефтеперерабатывающего предприятия, — говорит пресс-секретарь “Орлена” Давид Пекаж, добавляя, что польский концерн принимал во внимание и такой сценарий. Поэтому не отказывается от сделки и заплатит установленную на торгах цену. На Мажейкяйский завод нефть доставляется судами по морю, и такая форма поставок рентабельна. Игорь Халупец на страницах журнала “Форбс” утверждает, что покупая Мажейкяйский завод, совершил хорошую сделку, а перекрыв нефтяной кран, проблему себе создали... русские, а не он. “Орлен” не собирается сворачивать с этого пути и думает о покупке ли латышского нефтяного терминала в Вентспилсе, которому российская сторона давно перекрыла доступ к нефти. Какова логика в этих планах, неизвестно.

Наказание за Украину

“Орлен” решил пойти на конфронтацию с российским нефтяным бизнесом, имея удивительно мало козырей на руках. Собственной нефти нет, сырье наверняка, придется доставлять судами, а за это придется платить гораздо больше, хотя бы потому, что в Балтийское море не могут заходить супертанкеры. Ему придется также померяться силами с российской стороной на топливном рынке, ибо большую часть продукции Мажейкяйского завода надо отправлять судами по морю, чего “Орлен” прежде не делал. (В настоящий момент продукцией литовцев торгует знаменитый “Петроваль”, компания, секреты которой пыталась раскрыть следственная комиссия по делу “Орлена”.) Как он с этим справится? Дай Бог, хорошо, хотя уже поговаривают, что за 2,5 млрд. долл. “Орлен” купил кучу лома. А что получила российская сторона, закрутив кран? Оказывается, пока не жалуется.

— Мир нуждается в нефти, а Россия — самый стабильный и перспективный район ее добычи. Авария на нефтепроводе “Дружба” привела к тому, что тамошние производители могут больше сырья отправлять через расположенный поблизости порт в Приморске, а вдобавок больше зарабатывать, чем на поставках по нефтепроводу, — говорит Анджей Щенсяк, эксперт топливной отрасли, и добавляет, что недалеко от Приморска “Лукойл” построит крупный

нефтеперерабатывающий завод по производству топлива на экспорт. “Орлену” это может создать трудности, а если еще построят обещанный нефтеперерабатывающий завод в Калининграде, то лучше и не думать, что произойдет.

По мнению Зигмунта Бердыховского, главы Восточного института и организатора Экономического форума в Кринице, напряженность в польско-российских экономических отношениях — это очевидное следствие польской внешней политики, поддерживающей украинцев, белорусов, грузин в их стремлении к независимости. России это не нравится.

— Россия сейчас в процессе определения своей новой внешнеэкономической политики и отношений с соседями, — объясняет Зигмунт Бердыховский. Говорить о нынешнем состоянии отношений как об экономической войне, он не хочет, но признаёт, что дела обстоят плохо. По его мнению, нам следует искать поддержки в ЕС.

Вместо того чтобы впасть в отчаяние и истерику, ибо это навлекает на нас упреки в том, что мы — несерьезные русофобы, нам следует искать союзников и выработать совместные проекты, особенно в области энергетической безопасности. Приватизация и либерализация польского рынка могут оказать здесь гораздо большее воздействие, чем далекие от реальности политические прожекты.

Эва Липская

СТИХИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Из книги «Я» (2004)

НОМЕР ОДИН

Ну и что из того
что наша планета
вся вперед забронирована.
Луна внесена в земельный кадастр.
В нотариальный акт записано солнце.
Города пронумерованы. Улицы в долгах.
Судьба — многозначное число.
Новые войны
застрахованы
под недвижимость Десятилетия.
Сумасшедшие суммы надежды
на публичных торгах.
Ну и что из того
если любовь
веточка колеблемая ветром
всегда Номер Один
и клонится в нашу сторону.

КРАКОВ

Что я знаю о моей стране?
Инвалидное облако
кружит надо мной

когда я пересекаю границу
и включаю радио в машине.
Правый фашист тоскует по Гитлеру.
Грешная молитва в списке хитов.
Восхищаюсь полотенцем поля.
Семитским профилем гор.
Обычной жизнью городков.
Ясными чертами заката.
Что я знаю о моей стране?
Далекий колокол
бьет в набат.
Колышется вечер
когда я доезжаю до города.
До города
о котором тоскую
а мои друзья говорят:
к счастью есть счастье
и можно здесь жить.

Из книги «ГДЕ-ТО НЕ ЗДЕСЬ» (2005)

ГДЕ-ТО НЕ ЗДЕСЬ

Я хотела бы жить Где-То Не Здесь.
В городках, вышитых вручную.
Встречаться с теми
кто не родился на свет.
Были бы мы наконец счастливо одиноки.
Не ждала бы нас никакая остановка.

Ни приезда. Ни отъезда.

Бытованье в музее.

Никакие войны не шли бы за нас.

Ни человечества. Ни армии. Ни оружия.

Смерть под хмельком. Было бы весело.

В библиотеке многотомное время.

Любовь. Обморочная глава.

Листала бы нам шепотом страницы в сердцах.

ТЕМ Я ОБЯЗАНА ЖИЗНИ

Тем я обязана жизни

что склонялась надо мной.

Дула на ложечку солнца

когда я глотала лето.

Другие дети крича поджигали бумажных змеев.

Когда я умирала — жила за меня.

Когда я жила — за меня умирала.

Тем я обязана жизни

что любила во мне любовь.

До сих пор дивит меня птица в зените

в исступлении падая в наш разговор.

И эти стихи под горку

где слишком много сладости.

Или слишком мало музыки сфер.

МЫЛЬНАЯ ОПЕРА

Он говорит что существует.

Она говорит что нет.

Она говорит что существует.

Он говорит что нет.

«Про что речь? —

Спрашивают болельщики поэзии.

— Про любовь? Или про Бога?»

Вокруг мыльная опера

Дэвида Бэкхема.

Ария «Манчестер юнайтед».

Ничего не решают

штрафные удары.

Ни доигрыш жизни.

«Так про что речь?» —

Спрашивают болельщики поэзии.

«Про любовь

— небрежно бросает бармен —

их имущество, они и транжирят».

БОЛТЛИВОСТЬ МИРА

В великой болтливости мира

я всего лишь шепот вкрапленный

в акустическое фортиссимо.

Городки города страны

подымают шум

когда я приближаюсь к их границам.

Газонокосилка

примадонна оперетты

нашего двора

срезает утреннюю тишину
халтурным либретто.
Громогласная серость вокруг.
Все повышают голос.
Ревущие моторы стадионов.
Политический визг.
Даже секунда любви
срывается в крик.
И будет еще громче.
И громче. И громче.
Пока не ударит мертвая тишина
в свой возвышенный тон.
История как всегда
придаст этому огласку
чтоб заглушить чьи-то
вопли о помощи.

Из книги «ЗАНОЗА» (2006)

*** * ***

Стоит умереть
ради таких стихов
которым
не доверяет смерть.
ОРКЕСТР
В городе
где мы породнились
с погоней за счастьем

фаготы тромбоны и трубы
раньше времени вышли на пенсию.
Остальной оркестр помер.
Не воспроизводимы
факты с того света.
По улицам кружит
непрописанный страх.
Стареющее будущее время.
Истерия дождя за окном.
Плагиат нашей любви.

Лешек Шаруга

У НАШЕЙ ТРАГЕДИИ СВОЙ ГОНОР

Дебютируя в 1967 г. сборником «Стихотворения», Эва Липская открыла его стихами, где, описывая ситуацию своего поколения, писала:

Рождая нас воздали честь — убитым

Простреленною памятью нагружены

уже мы

В первой строфе стихотворения, давшего заглавие сборнику «Люди для начинающих» (1997), вновь возвращается мотив стрельбы:

Люди для начинающих.

Это они. Из ностальгии телеграмм.

Отстрелянные из воспоминаний.

Посмертные.

Это «мы» из ранних стихов по-прежнему остается — сегодня, в эпоху поворота к индивидуализму, — главным лирическим героем Липской: «Встретить нас можно / на бумажном курорте / когда мы ссылаем свои мысли на водопой»; «Молодость обменяли мы / на зрелый возраст»; «Мы плывем в наследственной гондоле языка»; «Мы знаем, что в ящике лежит оружие» — эти предложения, взятые из разных стихотворений, стремятся вовлечься в круг творимой общности. Но первое лицо множественного числа уже не носит характера поколенческого ярлыка. Противопоставлено ли это «мы» «людям для начинающих»? Этот последний термин, сочиненный по типу «иностраный язык для начинающих», при первом чтении кажется каким-то неловким, неясным, даже неуклюжим. Кто тут «начинающий»? Какие-то «они», какие-то «посмертные». Те, что живут после смерти? Похоже, что эти люди «из ностальгии телеграмм», «отстрелянные из воспоминаний», — это люди из мира, который умер, а был — в противоположность нашему — миром по человеческой мерке. Мы, современники, подвержены стихии битвы, «знаем, что в

ящике лежит оружие», «возвращаемся с фронта отпуска», «лежим на склонах гор и произносим свой пароль». А тем временем «метеорологи обещают закат истории».

Отношение героя этих стихов к миру, в котором он живет и который — живя — творит, характеризует ирония. Почти всегда она подкрашена абсурдом, хотя бы как в стихотворении «Ханна Арендт»: «Она / Ханна Арендт / Евросити из Гейдельберга в Гамбург». Не все, правда, знают, что поезд Евросити действительно назван в честь замечательного философа Ханны Арендт. Только зная это, мы поймем продолжение: «Он / Мартин Хайдеггер / фюрер философии. // Он был бы поездом точным / как двусмысленность веры». В этом сопоставлении, особенно когда знаешь историю любви немецкого философа и его ученицы, знаешь, что Хайдеггер отрекся от нее — еврейки — во имя нацистской веры, есть некоторая жестокость. И вправду, желая определить иронию Липской, я вынужден назвать ее жестокой иронией — или, может быть лучше, иронией жестокости. Творимый здесь мир — мир жестокий, абсурдный, озаменованный хищной бессмысленностью. Липская жестоко играет этим (и тем, да и всяким) миром, читателем, наконец, поэзией. «Радость писать» Шимборской обретает тут совершенно новый вид — это уже не только «месть смертной руки» («Смерть перешла уже в нашу собственность» — читаем мы в стихотворении «Частная собственность»), но якобы наивная детская игра, в которой общепринятая иерархия разрушается, а серьезность поэтического высказывания подвергнута сомнению с помощью стихийной языковой выразительности, где вымысел отвергает действительность.

Все это, разумеется, только так выглядит. Действительность остается такой же важной, какой была в первых сборниках Липской. Чтобы обнаружить эту непрерывность, можно внимательно прочитать стихотворение «Мы-1998», связанное с первым стихотворением первого сборника Липской. Здесь появляется «новое поколение, расположенное в практичных пейзажах», у которого «уже есть своя страна». Они «смотрят на нас внимательно / как на пролетающих классиков / крылья которых / ангельски трепещут». Они — это нынешние дебютанты. Их ситуацию герой стихотворения Липской рисует чрезвычайно точно: «Еще не истек срок давности / их надежде без которой не уснуть / когда в пять утра их будят секунданты поэзии / на поединок слов». Их еще не настигла жестокость поэзии, отменяющей надежду, жестокость знания о том, что мы без перерыва (как в «Уроке музыки») «с самого начала

выдумываем все / что пережили», — и что неустанно «наступает авария банальной непрерывности».

Окончательно нашла Липская свою собственную, оригинальную тональность в сборнике «Кладовая темноты», изданном в подполье во время военного положения. С тех пор ее стихи — все более герметичные, так как все более сосредоточенные, представляющие собой интенсивное, на границе озарения, созерцание, которое пускает в ход спящую энергию языка, — докладывают о беспомощности, о тщете красоты человеческого существования. Речь не о том, что всё преходяще, ибо красота непреходяща, но о трагическом излишестве, от которого отделяешься горькой шуткой: «Но у нашей трагедии свой гонор / и она выпивает за всех художников / иронический намек океана». Время этих стихов — «без потомства». «Всё короче дыханье значений». Может быть, поэтому стихи Липской так сгущены: в них рядом уместаются жесткий диск и римские легионы (в дискотеке), они позволяют Кальвину встретиться с Прустом. Это напряженности далековатых сближений, пристегивающих друг к другу отдаленные виды опыта пряжкой смерти: «В отсутствии жизни / смертельно колеблюсь».

Частыми становятся стихи, записываемые сжато, как заметки в записной книжке: эквиваленты предложения требуют развития, ставят задачу, которую надо решить, но сама эта сжатость позволяет укрепить ритм, как в стихотворении «Кальвин»:

Щуплый. Робкий

Короткий сон. Головная боль.

Боялся страха.

Жил во времена туризма злодеяний.

Письма подозрительных. Аресты. Казни.

Эти наброски, начертанные решительной и в то же время тонкой линией, исключают глаголы, оставляя их лишь в случаях крайней необходимости. «Недоспанное существительное во рту» как будто принимает все решения, а «шестой палец на руке», выстукивающий буквы, выглядит чем-то очевидным. В этот ритм вписаны столь же выразительные метафоры: «лирическое отступление происшествия», «автобус альбома», «бижутерия катастрофы», «чтение бытия», «элегия ерша», «любовные стихи волн»,

«файлы пирогов». Таким образом, перед нами в совершенстве обдуманная конструкция: опознаваемая, оригинальная метафора и простые правила построения. Важны и реалии, извлекаемые из техницизированной действительности: «судьба — многозначное число», «пластмассовый Христос», «склад огнестрельного оружия», «запаркованная комната», «черный ящик», «гарантийное свидетельство», «брачная машинка», «нержавеющие слова», «телефонный ответчик», компьютер и связанная с ним терминология. И, наконец, парадоксальная форма повествования, где в титульное «я» вписано анонимное «мы», как в завершающем сборник стихотворении «Ветераны любви»:

Под утро

мы вставляем в рот батарейки

и говорим

говорим

говорим

пока не сядут.

В поэтике Липской сплавляется воедино особая топонимика — ориентирами ее лирического мира становятся абстрактные названия мест: Где-то Не Здесь, Дальше, Как Можно Дальше, Оттуда, Где-то Там, Послезавтра, но тут же и Дискотека, — открывая виртуальную карту компьютерной «неплотной действительности» и используя опыт преобразования текста в переводах на иностранные языки (для каждого поэта перевод его стихов — приключение, полное сюрпризов), как в стихотворении «Мои переводчики». Эта действительность — «Рай для хакеров / сплетников и политиков». Но в этой же действительности кто-то говорит: «Вблоговался я в тебя навсегда. / Читайте, что ты обо мне думаешь твоим шрифтом». При этом следует обратить внимание, что электронно-компьютерная лексика наполняет стихи Липской уже довольно давно.

Мир, встающий перед нами из этих стихов, отнюдь не безопасен. Более того, это жестокий, болезненный мир. Но жестокость и боль приручаются в нем любовью. А любовь, как мы читаем у Липской, — «Обморочная глава. / Листала бы нам шепотом страницы в сердцах».

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• “Политикой сегодня занимаются в Сейме и на телеканале ТВН-24. Раз у Сейма сейчас каникулы, то политикам остается только ТВН-24. Куда бы они делись, если бы пять лет назад не появился этот канал?” — пишет Ярослав Муравский в очерке, посвященном польскому информационному телеканалу. Этот телеканал, отмечающий как раз свой пятый день рождения, стал сегодня важнейшим средством массовой информации, формирующим общественное мнение в области политики. Несмотря на то что его аудитория составляет лишь около 2%, это как раз те зрители, которые вызывают зависть любого конкурента, — это активный средний класс, самый динамичный и заинтересованный в развитии страны. Когда в 2001 г. Мариуш Вальтер, глава группы ИТИ, владельца частного телеканала ТВН, приступил к осуществлению проекта информационного телеканала, вещающего круглые сутки, немногие аналитики рынка СМИ верили в успех этого дела. Всего лишь месяц спустя после открытия канала угнанные террористами самолеты врезались в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке... “Может быть, это прозвучит цинично, — говорит Анджей Зарембский (в то время секретарь Всепольского совета по телевидению и радиовещанию), — но им с этим 11 сентября здорово повезло”. ТВН-24 привлекает все больше и больше известных личностей, и, наверное, уже нет ни одного политика, который не хотел бы появиться у них на экране...

• “Обычное телевидение рано или поздно перестанет существовать, — говорит Камиль Пшеленцкий, глава фирмы, занимающейся дистрибуцией фильмов в Интернете, — поэтому нам надо искать клиентов по-новому. Для начала в интернет-прокате „Нетино” можно будет найти несколько десятков художественных фильмов, в том числе и польских”. Но ассортимент предлагаемых товаров будет расширяться, а сами организаторы хотят пустить в прокат еще и образовательные материалы. Да и у конкурентов зубы становятся всё острее”.

• “Центр положительных СМИ” — так планируется назвать учреждение, которое, согласно внесенному в Сейм

законопроекту о добрых нравах СМИ, должно оценивать, какой кинофильм, какая газета и т.п. грешат против добрых нравов или страдают чрезмерной жестокостью. Своим контролем он охватит и игры в Интернете, и, разумеется, телепередачи.

- “О том, кого можно называть настоящим поляком, будет решать не кто попало. Это понятие связано с патриотизмом, а патриотизм — это не только развевающиеся флаги и звуки национального гимна. Это и повседневное честное отношение к своим близким, к остальному обществу, тактичное и деликатное отношение к недостаткам других людей. Патриот не падает духом от возможных неудач и постоянно надеется на лучшее”, — сказал в интервью газете “Жечпосполита” Густав Холоубек, один из самых известных польских актеров театра и кино, директор варшавского театра “Атенеум”.

- “Превосходно сыгранная камерная семейная драма. Действие происходит в гнетущей атмосфере клаустрофобии, которая царит в маленькой квартире в центре Варшавы. В кинофильме „Площадь Спасителя” похвалы заслуживает буквально всё: и дышащие подлинностью диалоги, и психологическая достоверность, и до мелочей продуманные постановочные задачи, и, наконец, замечательный актерский состав. Не говоря уже о смелом намерении замахнуться на одно из важнейших польских табу — на семью”, — пишет Магдалена Садовская о новом фильме Кшиштофа и Йоанны Краузе (“Долг”, “Мой Никифор”). “Из этого сюжета, — написал Тадеуш Соболевский, — можно было сделать трогательную, слезливую мелодраму, после которой мы могли бы без особого труда почувствовать, что мы-то лучше, умнее, нравственнее. Или же, скажем, фильм-обвинение о трудном старте молодых, о нездоровой атмосфере в обществе, мышиною возне, безработице и коррупции... Но в фильме „Площадь Спасителя” у нас по одну сторону — детерминизм причин и следствий, неизбежные последствия событий, а по другую — свобода. Всегда существующая возможность быть свободным, остановить поток зла, повернуть его вспять”.

- Жюри литературной премии “Нике” выбрало семь книг, одна из которых будет лауреатом нынешнего года. В числе этих семи — два сборника стихотворений и пять романов. В области поэзии это “Двоеточие”, новая книга лауреата Нобелевской премии Виславы Шимборской, о которой Рышард Матушевский писал: “Двоеточие — это просто знак препинания, говорящий о том, что далее что-то последует. (...) И хотя мы блуждаем среди вопросительных знаков, ничто не кончается, всё продолжается в ожидании: а вдруг мы узнаем нечто сверх того, что уже

знаем. (...) В ожидании без всякой уверенности, что узнаем всё, скорее с надеждой, что какая-то частица знаний о мире будет нам дарована”. Автор книги стихов “Эта туча возвращается” — Пётр Матывецкий. О его поэзии Малгожата Барановская написала так: “Говорят, что это городская поэзия. Матывецкий лучше чувствует себя в застроенном пространстве — ограниченном четкой формой, созданной руками человека. (...) Но поэту не чуждо и верное земле небо, и солнце, создающее пространство, и туча, которую никто не замечает. (...) ...во всем чувствуется меланхолическое, печальное ощущение утраты. Это ощущение вроде бы относится к городу и его трагическому прошлому, но в действительности — просто к жизни”. О “Павлине королевы”, произведении, которое по замыслу должно напоминать рэп, говорит его автор Дорота Масловская: “Поп-культура — это целый мир, параллельный настоящему, где всё упрощено и сокращено, где в программе телепередачи можно прочесть сжатое изложение кинофильма „Гамлет”. Я сама пережила такое сжатие (...) и уж, пожалуйста, не говорите мне, что этот опыт ничего не стоит”. В романе “Все языки мира” Збигнев Менцель “красочно описывает реалии ПНР... Этот роман — записки о времени взросления (...) а также трактат о слове, языке и возможностях выразить самые важные мысли и вопросы”. “Условие” Эустахия Рыльского — это “классический роман в костюмах наполеоновских времен, фоном которому служит поражение Наполеона в 1812 году, — пишет Марек Радзивон. — Тут есть все атрибуты эффектного романа... Но Рыльский предлагает картину истории, полемизирующую с классическим представлением о героических уланах”. О книге Мариуша Вилька “Волок” писал Пшемислав Чаплинский: “Вильк хочет нас убедить в том, что Россия — не монолит, что в ее истории есть такие традиции, к которым и мы могли бы обратиться, и что понять русского человека трудно, но не невозможно”. Автор уже многие годы живет на севере России и культуре этих мест посвящает свои лирические отступления, которые он формулирует с помощью довольно странных конструкций искусственного языка. И, наконец, “Любево” Михала Витковского — своеобразный реверанс жюри в сторону нетрадиционного поведения, а само по себе произведение — “довольно неоднозначное и весьма неожиданное описание мира гомосексуалистов”.

• А новейшие бестселлеры, кажется, всё еще пребывают в летней ауре — здесь на первом месте оказался сборник “Рассказы по-летнему теплые и даже горячие”, куда вошли двадцать произведений известных польских писателей, которые пишут о “чувствах деликатно и беспощадно, нежно и цинично”. В первую десятку попал и другой сборник:

“Пикантности. Любовные рассказы”, или, как пишет Анджей Ростоцкий, “эротические истории, описанные столь многочисленными перьями, да еще какими. (...) Любовь и вожделение — всегда благодатная тема для писателей, ибо что касается этой материи, то у большинства из них имеется некоторый опыт”. Радует, что в категории документальной литературы присутствует последний сборник эссе Станислава Лема “Порода хищников. Последние тексты”. Добавим лишь, что на первом месте по итогам полугодия оказалась Йоанна Хмелевская с ее последним романом “Бледная спирохета”.

• “Фестунг Бреслау” — так называется очередной, последний в цикле вроцлавских детективов роман Марека Краевского. Его герой — помощник детектива Эберхард Мокк, который “на этот раз расследует в 1945 г. во Вроцлаве загадочную историю изнасилованной со смертельным исходом молодой немки, — пишет Яцек Щерба. — Кто-то может задать вопрос, стоит ли заниматься одним трупом, если каждый миг их возникает вокруг значительно больше? Однако Мокк видит в этом смысл, он подходит к делу честно, защищая этический порядок”. А сам автор так говорит о причинах своего интереса к Вроцлаву того времени: “Речь шла скорее о том, чтобы преодолеть табу, которое долгие годы было связано с немецкой историей Вроцлава. Из тех книг, что я читал в юности, следовало, что это всего лишь небольшой эпизод в истории города. Я ощущал хаос в восприятии окружающего мира: во время прогулок с отцом я везде видел следы немецкого Вроцлава”.

• В этом году исполнилось 50 лет Международному фестивалю джазовой музыки в Сопоте, положившему начало двум мероприятиям — варшавскому “Jazz Jamboree” и Международному фестивалю песни в Сопоте. И хотя за прошедшие полвека сопотский фестиваль пережил много перемен, а в нынешнем году состоялся “Сопот-Фестиваль” с Элтоном Джоном в роли главной звезды, тем не менее стоит напомнить, как это всё начиналось. “Джаз, — пишет Павел Ивицкий, — должен был служить тем клапаном, через который можно было выпускать пар, создавая видимость демократии в области легкой музыки... Тысячные аудитории, парад джазменов — это было своеобразной демонстрацией неприятия музыки, звучащей в официальном радиоэфире, и вместе с тем это был апофеоз свободы. (...) Замечательные концерты секстета Комеды, Курылевича, Тшасковского, Милиана, „Меломанов” принесли фестивалю успех и с художественной точки зрения”. Праздник джаза (“Jazz Jamboree”) впоследствии перенесли в Варшаву, а Сопот со временем стал местом проведения концертов, где с триумфом

принимались шлягеры, презиаемые участниками первых встреч. Сегодня от той бунтарской атмосферы в Сопоте мало что осталось, разве что счесть знаком протеста выступление со сцены Элтона Джона в защиту якобы унижаемых польскими властями гомосексуалистов.

- “Замечательная идея, — пишет Дорота Ярецкая в рецензии на выставку “В Польше, то есть где?”, открывшуюся в Центре современного искусства, — дать определение Польше не с помощью портрета или карикатуры на поляка, но отображая то, как поляк видит и как он называет увиденное вокруг себя”. Эта выставка завершает цикл экспозиций, посвященных новейшему польскому искусству и проходивших в ЦСИ в течение целого года. “Ответы на поставленный в заголовке вопрос, — пишет далее Ярецкая, — весьма различны, и находятся они в диапазоне от малого реализма до великой мечты”.

- Знаменитая выставка фотографий польских евреев, объехав за десять лет весь мир, вернулась в варшавскую галерею искусств “Захента”. Ее вернисаж положил начало фестивалю “Варшава Зингера”, организованному фондом “Шалом”. “Мы хотели воссоздать атмосферу довоенной Варшавы, чтобы в этот период на улицах столицы царил иной ритм”, — говорила Голда Тенцер, инициатор фестиваля. Программа этого фестиваля включает также выступления выдающихся музыкантов, художественные проекты, клезмерские концерты, общие гуляния и... совместное угощение. И всё это будет происходить на Пружной, с надеждой на то, что в этот квартал можно будет действительно снова вдохнуть жизнь, о чем говорится вот уже много лет, но, пожалуй, только теперь, с приходом два года назад фестиваля Зингера дело сдвинулось с мертвой точки.

- “Орлы” Карского — премию, учрежденную в честь курьера из Варшавы, который во время II Мировой войны представил Западу правду об уничтожении польских евреев, — получили Адам Михник за то, что он “делает Польшу лучше”, а также Абрахам Х. Фоксман, директор Антидиффамационной лиги, за “несгибаемую волю в борьбе против диффамации и смелость, с которой он говорит ненависти: „Никогда больше””.

- Пятый Фестиваль четырех культур, который уже стал неотъемлемой частью пейзажа многокультурной Лодзи, привлек в этот единственный в своем роде польский город многих интересных мастеров. В этом году фестиваль был посвящен культуре России — зрители получили возможность увидеть давно уже не бывавший в Польше Театр на Таганке,

который привез спектакль “Высоцкий”, услышать сочинения Софьи Губайдулиной в исполнении оркестра “Ауксо” и посмотреть русское и советское немое кино, в том числе “Стачку” Сергея Эйзенштейна.

- К сожалению, обещанные министерством образования дешевые учебники не попали на организованную перед началом нового учебного года Ярмарку образовательной книги. Но зато все, кто хотел, могли посетить конкурировавшее с этой ярмаркой мероприятие — организованный “Мобильной академией” “Черный рынок полезных знаний и невежества”, на котором можно было узнать про духов, вампиров, призраков и про места их обитания, а также о других нетрадиционных способах отношения к действительности. Билет на ярмарку стоил всего один злотый.

- “Я сожалею (...) благодарю за доверие” — написал в письме жителям Гданьска почетный гражданин этого города, родившийся здесь немецкий писатель Гюнтер Грасс в ответ на письмо городских депутатов, написанное после того, как лауреат Нобелевской премии признался, что служил-таки в “Ваффен-СС”. “Прочитав слова Грасса, я испытал удовлетворение, — отметил бывший президент Польши Лех Валенса. — Признаюсь, у меня было подозрение, что он пытается использовать эту историю, чтобы сделать рекламу своей книге. Однако я понял, что его признание (...) — это исповедь. (...) Я его прощаю. Я довольно резко напал на него за прошлое, но сейчас важнее то, чем он руководствуется теперь”.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Не желая поддаться полному господству политики, отыскиваю в культурной периодике темы более “созидательные”. Просматриваю очередные номера журналов — ежемесячных, ежедвухмесячных и ежеквартальных, — выход в свет которых, вероятно из-за финансовых трудностей, все сильнее запаздывает (сейчас, например, в начале октября, я только что получил сдвоенный, 1-2-й номер силезского ежеквартальника “Фа-арт”), и обнаруживаю, что, конечно, появляются довольно интересные тексты, но написаны они языком, который я для себя называю “научнистым”. Поэтому и цитировать их нелегко, а переводить на “человеческий язык” — задача сложная и довольно безнадежная. Однако, с другой стороны, на некоторые из них стоит обратить внимание.

К таким относятся те, что направлены на ликвидацию “белых пятен” польской культурной жизни. Сюда входит попытка осознать влияние, которое оказало на польскую культуру многовековое присутствие евреев в нашей стране. Тема эта, впрочем, довольно модная, но это не значит, что из-за этого ею можно пренебречь. И хоть я не люблю “массового забега” в культуре, ибо она остается областью индивидуального, однако здесь речь не о каком-то “забеге”, а о том, чтобы заняться исследованиями сложных культурных отношений, возникавших на текучем, не очерченном никакими жесткими тезисами польско-еврейском пограничье. Это, кстати, не только польская проблема. В свое время Милан Кундера в знаменитой статье “Похищенный Запад, или Трагедия Центральной Европы” среди самых важных факторов, определяющих самобытность этой части континента, называл присутствие довольно многочисленного еврейского меньшинства.

Влияние шло, разумеется, в обе стороны: достаточно указать огромную роль, которую сыграла польская романтическая поэзия для еврейской лирики, складывавшейся на идише в конце XIX — начале XX века. Это видно хотя бы в творчестве поэтов группы “Юнг Вильна”, действовавшей в Вильне в 1930-е годы. С другой стороны, во времена Второй Речи Посполитой крайне правые круги в своих журналах выражали тревогу по

поводу того, что многие польские писатели, родом евреи, выходят на первые места в литературе. Например, один анонимный автор в 1938 г. писал, что Юлиан Тувим, несомненно одаренный большим талантом, тем-то и опасен для польской самобытности, так как своей замечательной “еврейской поэзией” он протаскивает в польскую культуры “чуждые миазмы”. А на страницах подпольного варшавского журнала, выходявшего при немецкой оккупации, один молодой поэт и критик подчеркивал, что довоенная польская поэзия в значительной степени создавалась людьми, “чуждыми этой земле”.

Взаимовлияние польской и еврейской культур, сосуществовавших на одной и той же территории на протяжении веков, несомненно ждет своего исследователя. В этой области многое делает Рышард Лёв, тель-авивский литературовед, труды которого открывают все больше оных “интимных связей”, а возглавляемый им ежегодный альманах “Контакты”, представляющий “еврейскую литературу, пишущуюся на польском языке в Израиле”, показывает устойчивость этих взаимоотношений. Довольно иллюзорными оказываются убеждения в “чистоте” национальной культуры.

И вот в этом контексте я читал статью Славомира Яцека Журека, опубликованную на страницах люблинского ежеквартального журнала “Акцент” (2006, №3). Автор пишет:

“В польской литературе закрепляли экзистенциальный и культурный опыт не только христиане римско-католического вероисповедания, но также православные и униаты, лютеране и кальвинисты, мусульмане и караимы, а еще и иудеи. Эти последние (...) с особой интенсивностью — с конца XIX века, в особенности в межвоенное двадцатилетие, когда еврейская культура в Польше вышла из гетто. (...) Благодаря присутствию евреев в польской литературе (накануне II Мировой войны в Польше жило около 3,5 млн. граждан еврейского происхождения, из которых немалое число занималось польской словесностью) в ней закрепилась специфика иудаизма: описаны почти все иудейские праздники и обряды, весь еврейский календарь, о котором рассказывают польские поэты и одновременно польские евреи, активные только в рамках польского языка либо писавшие также на идише или иврите. Время в иудаизме изменяется больше по отношению к Луне, чем к Солнцу. Луна определяет культурный ритм иудаизма — каждый месяц начинается с ее восхода, точно так же и год, шаббат, праздник. В начале каждого месяца (праздник Рош-Ходеш) евреи совершают вечернюю молитву под чистым

небом, во время которой они обращены лицом к спутнику Земли. В этом обряде находит свое выражение надежда на то, что в мессианские времена Бог вернет Израилю его прежнее величие, а свету Луны даст новое сияние, так как полнолуние будет продолжаться целый месяц. Ввиду лунарного характера обрядности евреев их иногда называли “сынами Луны!”.

После этих вступительных объяснений Журек аналитически обзревает еврейские праздники в польской поэзии XX века и в заключение пишет:

“Что же такое вышеописанные и другие доказательства присутствия еврейского литургического календаря в польской литературе XX века, и каково их значение? Мы видим, что после многовекового присутствия на землях Речи Посполитой в них одновременно высказался еврей как Другой (ибо он говорил о культурной системе, остающейся вонне польскости и христианства) и еврей как Свой (ибо выражал свою культурную и религиозную самобытность по-польски, те. понятно и для нееврейского читателя польской литературы)”.

Дело, однако, куда сложнее. В конце концов, несомненно представляющий еврейскую культуру Роман Брандштеттер, которого Журек называет “пожалуй, самым знаменитым еврейским поэтом, писавшим по-польски”, в ходе своей жизни принял католичество. Другой поэт, принужденный в 1968 г. к изгнанию Арнольд Слуцкий, называл Польшу своей “оговоркой”. И действительно, когда он начинал писать — а в польском художественном языке он достиг вершин мастерства, — он едва знал язык, в котором обрел себя как поэт и как поляк. Таких программных фигур в культуре Польши и всей Центральной Европы мы найдем множество. Их трудности, связанные с определением своей национальной принадлежности, лучше всего, пожалуй, передает заглавие книга живущего в США поэта и прозаика Генрика Гринберга — “Польско-еврейский монолог”. Одно несомненно: перед нами комплекс крайне важных вопросов — важных как для еврейской, так и для польской культуры. Польская литература не была бы сегодня такой, какова она есть, без огромного влияния поэзии Бронислава Лесьмяна и прозы Бруно Шульца — и та и другая глубоко укоренены в еврейской мистике, а одновременно принадлежат к вершинам польской литературы XX века. Как влияли и влияют они на развитие польской национальной культуры? Вот вопросы, ответ на которые — или много разных ответов — кажется и интересным, и важным.

Этот ответ важен и в контексте идущей уже много месяцев дискуссии об “исторической политике”, где ее сторонники

выступают прежде всего за отношение к Польше как мононациональному государству, что — особенно с точки зрения истории — не согласуется с опытом. Дариуш Гавин, один из главных пропагандистов этой идеи, в статье “Сообщество прошлого” в газете “Жечпосполита” (2006, №236) пишет:

“Динамика весьма оживленного спора вокруг исторической политики вытекает, мне кажется, из двух источников: во-первых, ее причины можно усматривать в специфике польского исторического опыта, а во-вторых, это производная спора о модели либеральной демократии (и с этой точки зрения польские дебаты — всего лишь локальный вариант споров, идущих во всех демократических обществах). Значительная часть тех, кто критикует понятие исторической политики, пользуется аргументами угрозы тоталитаризма или же национализма. Ход их мысли выглядит следующим образом: сторонники исторической политики строят повествование, сосредоточенное на таких событиях, которыми поляки должны гордиться, а гордость часто становится предисловием к национальной мании величия, от которой недалеко и до националистического угара; между тем история должна быть школой критического мышления, где учат подозрительности к любым проявлениям национального эгоизма. При таком подходе любая попытка положительного утверждения национального прошлого становится опасной и заслуживающей осуждения. За этим образом мыслей стоит долгая традиция, в последние десятилетия ее представляли такие замечательные имена польской культуры, как Ян Юзеф Липский, Чеслав Милош, Адам Михник. Психологические причины такого подхода понятны и вытекают из исторического опыта польской интеллигенции. В наших условиях единственное сильное коллективное самосознание — самосознание национальное. Понятие нации для значительной части интеллигенции ассоциируется с националистической идеологией национал-демократии [межвоенного периода] в исторической перспективе, а в биографической — с личным опытом столкновения с мочаровской мутацией этой идеологии времен ПНР [Мечислав Мочар — министр внутренних дел при Гомулке и лидер национал-коммунистов в ПОРП, особенно гнусно прославившийся в 1968-м]. Я, однако, определяю природу такого рода критики как психологическую, а не содержательную, так как сила исторической или биографической травмы заслоняет реалистическую оценку положения. (...) Решающее различие между настоящим и известными обстоятельствами прошлого (...) состоит в том, что Польша — демократическая страна. Обвинение в рецидивах

авторитаризма или национализма, подразумевающее, что история в руках власти превращается в инструмент промывки мозгов, совершенно не попадает в цель”.

Звучит красиво, однако если подумать, оказывается, что все-таки пусто. Из предпосылки о том, что Польша сегодня — демократическая страна, никак не вытекает, что она останется таковой на веки вечные и что тем самым не существует угрозы авторитаризма или национализма. В конце концов, история знает случаи, когда демократия вырождалась в тоталитарно-националистическую диктатуру, — за примерами ходить недалеко: азбучный пример — Германия. Да и в нашей новейшей истории нетрудно найти тревожные сигналы: во второй половине 1930-х Польша, демократическая страна, откровенно дрейфовала к авторитарному правлению. И несколько голословно звучат дальнейшие рассуждения Гавина:

“Более того, демократическая среда, в которой действует государство, приводит к тому, что могут жестоко обмануться те сторонники исторической политики, которые забудут, что в рамках такой действительности можно ожидать немедленных последствий предпринятой ими деятельности, ибо ее результат в некоторой мере остается неизвестным. Коллективная память — довольно таинственная область, и нельзя рассчитывать на быстрые и простые перемены. (...) В этом смысле историческая политика — это только попытка (подчеркиваю: попытка!) влиять на линию развития общественной жизни всего лишь в одном ее сегменте”.

Отлично. А что станет с теми объединениями, органами и частными лицами, если они — предположим, что попытка окажется удачной, — будут действовать в разрез с “генеральной линией”? Такие вопросы выглядят вполне обоснованными.

Но пойдём дальше и приглядимся к инструментарию исторической политики:

“Ключом к успеху в такого рода предприятиях служит умение пользоваться новыми формами выражения и новым мышлением об общественной действительности. В рамках сегодняшней плюралистической культуры, где рядом друг с другом функционирует множество моделей памяти и множество нередко конфликтующих традиций, любая патерналистская форма пропаганды, относящаяся к объекту пропаганды инструментально, заранее обречена на поражение”.

Признаюсь, меня поражает эта уверенность. Тот, кто манипулирует историей, сознавая “страхи и опасения, порожденные более или менее отдаленным прошлым”, должен бы, в конце концов, знать, что эти страхи не выросли из ничего, но прочно укоренены в опыте, в историческом — именно историческом — контексте. И хотя я понимаю стремление к конструированию “единственно сильного самосознания”, но предпочитаю, чтобы это было самосознание, формирующееся в свободной дискуссии, а не на базе какой бы то ни было “генеральной линии”, определяемой, как понимаю, теми, кто убежден, что получили на это какую-то таинственную легитимность. Хотел бы я знать, что написано в свидетельстве такой легитимности и кто его выдал.

В конце Гавин пишет: “Даже если бы мы согласились с одной из основополагающих аксиом критиков исторической политики — аксиомой о кризисе либо даже смерти национального государства (я лично с этим тезисом не согласен), — то принять ее еще не значило бы признать, что политические органы будущего не будут нуждаться в гражданах, убежденных в существовании общего самосознания, соединяющего их в единое целое. (...) По сути дела тот, кто предполагает, что возможен политический порядок, лишенный инструментов положительного утверждения коллективного самосознания (в том числе и прежде всего — общего прошлого), предполагает, что можно выйти за рамки истории”.

Что ж поделаешь, выйти за рамки истории действительно невозможно, и даже говоривший в свое время о конце истории Фукияма пятясь отступает от своих утверждений. Однако это не значит, что кто-то мог бы правомочно утверждать, будто знает “генеральную линию” истории, и боюсь, что как раз глашатаи исторической политики чувствуют себя в этой материи обладателями какой-то истины, данной свыше. Страха перед ними я не испытываю, но противостоять этому буду, пока это возможно.